

ФИОНА ВАЛПИ

BESTSELLER AMAZON

Майна
Жаворонка

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
«ПАРИЖСКИЕ СЕСТРЫ»

Когда мы были счастливы. Проза Фионы Валпи

Фиона Валпи

Тайна жаворонка

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(4Вел)-44

Валпи Ф.

Тайна жаворонка / Ф. Валпи — «Издательство АСТ»,
2020 — (Когда мы были счастливы. Проза Фионы Валпи)

ISBN 978-5-17-137884-4

Шотландская деревня Олтбеа, сороковые годы. Флора Гордон живёт со своим отцом, смотрителем огромного поместья Ардтуат. Сын владельца, Алек, – её лучший друг с детства. Молодые люди взрослеют, и становится ясно, что их связывает не только дружба. Но влиятельный отец Алека, сэра Чарльза, и слышать не хочет о нелепом увлечении сына. Напряжение нарастает, и влюбленные, кажется, теряют единственный шанс на спасение. А когда с началом войны их отдаленная деревня становится базой для сбора кораблей, везущих боеприпасы из Великобритании и Америки, жизнь сплоченного сообщества и вовсе меняется навсегда. Спустя десятилетия дочь Флоры, певица Лекси Гордон, вынуждена вернуться в деревню и в крошечный коттедж, где она выросла. Теперь, возвратившись уже с собственной дочерью, она узнает, что мать долгое время скрывала секреты, заставляющие Лексли подвергать сомнению все, что она, казалось, знала о себе и своем прошлом. Слишком поздно восстанавливать отношения с матерью, но сможет ли Лекси найти в своем сердце желание отпустить ушедшее и потерянное, и, наконец, отыскать свое место в мире?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-137884-4

© Валпи Ф., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Лекси, 1980	7
Лекси, 1977	9
Лекси, 1978	13
Флора, 1939	20
Лекси, 1978	27
Флора, 1939	29
Лекси, 1978	32
Флора, 1939	34
Лекси, 1978	37
Флора, 1939	39
Лекси, 1978	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Фиона Валпи

Тайна жаворонка

© 2020 Fiona Valpy Ltd

© Смирнова А., перевод, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Жителям берегов Лох-Ю,¹

Прежним и нынешним

*И в час, когда я одинок,
Море зло и ночь черна,
Тропа любви меня ведёт
К тебе во все времена.*

Из «Песни острова Эрискай», народной шотландской песни.

¹ Залив на северо-западном побережье Шотландии

Лекси, 1980

Это один из тех дней на пороге лета, когда небо и море залиты солнечным светом. Такие дни здесь, в Шотландском высокогорье, достаточно редки – их определенно стоит сохранить в памяти, как обереги от долгой зимней тьмы. Я застегиваю пальто на Дейзи, натягиваю на её локоны шерстяной берет. Хотя на солнце тепло, ветер на холмах над полем по-прежнему может кусать за нос и морозить уши, отчего они становятся вишнёво-розовыми. Я пристёгиваю Дейзи к переноске и сажаю себе на плечи. Она хихикает, наслаждаясь высотой, запускает пальцы в мои волосы, и мы движемся по тропинке.

Я с трудом шагаю, оставляя залив Лох-Ю всё дальше и дальше за спиной, мне всё тяжелее дышать по мере того, как тропа становится круче, извиваясь между соснами вдоль ручья, бурлящего и дружелюбно лепечущего. Наконец мы выныриваем из темноты, разлитой под деревьями, выходим на свет возвышенностей. Мышцы голеней горят. На минуту я останавливаюсь, упираю ладони в бёдра, глотаю воздух, прозрачный и холодный, как вода в ручье. Оглядываюсь назад, желая увидеть путь, который мы прошли. Белоснежные домики, тут и там рассыпанные вдоль берега озерца, всё ещё видны, но спустя несколько шагов они исчезнут, и поросшие вереском руки холмов примут нас в свои объятия.

У края тропинки, полуспрятанные среди рябин и берёз, первоцветы обращают свои лица к солнечному свету, а робкие фиалки пытаются скрыться. Тропа немного выравнивается, и мы с Дейзи поем на ходу, наши голоса звенят в чистом воздухе.

*Мы пойдём с тобою вместе
Собирать тимьян в нагорьях,
А вокруг цветущий вереск...
Ты пойдёшь, душа моя?*

Когда наши песни заканчиваются, из жёлтого куста дрока вдруг, как крошечная ракета, вылетает жаворонек и взмывает в синеву над нами. В тишине его песня словно повисает в небе, каждая нота звучит отчётливо – переливающееся ожерелье звука. Я стою неподвижно, мы с Дейзи, затаив дыхание, прислушиваемся, пока птица не становится крошечной точкой высоко над холмами и её песню не уносит ветер.

Тропа, которая становится все у2же и зеленее, больше привычна для копыт овец и оленей, чем для подошв ботинок. Наконец мы сворачиваем в сторону, и вот оно, озерцо, спрятанное в провале на склоне холма. Дейзи машет ручонками и смеётся от радости. Сегодня воды почти не видно. Почерневшие от торфа глубины скрыты под волшебным ковром белых кувшинок, лепестки которых раскрылись навстречу солнечному теплу.

Сняв переноску, я растираю плечи, которые даже болят от ее сильно натянутых ремней, прислоняю её к усеянной лишайниками каменной стене старой хижины, расстёгиваю, вынимаю Дейзи. Она тут же вскакивает на свои крепкие ножки, её красные сапоги тонут в мшистой земле, и я хватаю её, притягиваю к себе, зарываюсь лицом в тепло её шеи.

– Ну уж нет, торопыжка! Вода может быть опасна, помнишь? Держи меня за руку, и пойдём вместе смотреть.

Мы слоняемся у кромки воды, высматриваем среди камышей и широких, как лопасти, листьев болотного ириса следы выдры на мокрой земле – борозду от тяжёлого хвоста, петляющую в грязи между царапинами острых когтей.

Закончив исследовать берег, мы уютно устраиваемся на небольшом поросшем мхом холме, расстелив моё пальто – вдали от ветра, в укрытии каменной стены. Крыша древнего здания – когда-то оно, наверное, было чьим-то домом или летним убежищем пастуха – теперь

совершенно обрушилась, и остались лишь развалины и почерневший очаг под дымоходом. Пока Дейзи мастерит из сорванной мною кувшинки чашку с блюдцем и деловито напевает себе под нос, наливая мне воображаемый чай, я смотрю со склона холма за озерцо, туда, где широко раскинулось море. Свет, скользя по поверхности, как брошенный по воде камень, дробит её, слепит глаза, больше привыкшие к серости зимнего неба.

Должно быть, это тоже игра света, но на какое-то мгновение мне кажется, будто я вижу огромные корабли, стоящие на якоре. Может быть, это призраки, тени тех времён, когда залив был пунктом отправки конвоев. Я моргаю, и они исчезают, остаётся лишь вода и островок, а за ним – открытое море.

Солнце скрывается за проплывающим мимо облаком. Освещение явно меняется, и внезапно я обращаю внимание на глубокие тёмные воды озера, скрытые за лилиями. На вершине холма над нами стоит красная лань и смотрит на нас, но убегает, когда я поднимаю голову и пытаюсь поймать её взгляд. Облака уплывают, солнечный свет возвращается. Со склонов над нашими головами вновь доносится песня жаворонка. И мне хочется, чтобы у этой песни были слова, чтобы она могла рассказать мне всё, что знает.

Это место – спрятанное над морем, в объятиях холмов – место тайн. Место, где начинается жизнь и где жизнь заканчивается. Место, свидетели событий которого – только жаворонки да олени.

Лекси, 1977

Я мчусь по улице, проталкиваясь сквозь толпу, и часы на площади Пикадилли сообщают мне то, что я знаю и так: я опоздала. А ведь это прослушивание – мой большой шанс, возможность получить главную женскую роль в постановке театра Вест-Энда. В спешке я цепляюсь носком ботинка за выступающий камень брусчатки, ахаю от внезапной боли, налетаю на прохожего.

«Простите», – бормочу я, но он даже не поднимает головы, чтобы взглянуть на меня и принять мои извинения, и мы оба спешим дальше, охваченные суетой нашей безумной жизни.

Я уже привыкла ко всему этому, к безличию большого города, хотя поначалу, много лет назад, переезд в Лондон дался мне очень тяжело. Я до боли скучала по домику смотрителя. И ещё больше скучала по маме. Она была моей подругой, моим доверенным лицом, самым близким человеком, всегда готовым поддержать, и я часто представляла, как она сидит в одиночестве в домике смотрителя, нашем маленьком выбеленном домике на берегу залива. Большой же город был полон людей и огней, и шума движения. Даже чай был на вкус не таким, как дома, в Шотландии, потому что чайник, который я откопала на кухне, был покрыт неприятным известковым налётом цвета мокроты.

Но в то же время я чувствовала облегчение из-за того, что покинула поместье Ардтуат. Мне было приятно раствориться в толпе после долгих лет проживания в крошечном городке, где все считали своим делом сунуть нос в чужие и никто никогда не лез в карман за особо важным мнением по любому вопросу. Новая жизнь дала мне свободу, какую я никак не могла обрести дома, и я была полна решимости двигаться в светлое будущее, лишь порой оглядываясь через плечо.

Вскоре я нашла друзей в театральной школе, где училась бесплатно, и начала привыкать. Долгие часы изнурительных занятий – танцы, пение, актёрское мастерство – и волнующая новизна городской жизни быстро вытеснили реалии моего прежнего существования, заменив их новыми, на первый взгляд гораздо более блестящими.

Конечно, не такими уж они были и блестящими, эти новые реалии. Яркие костюмы и макияж под ослепительным светом прожекторов утратили своё волшебство и показали свою липкость. Мы переодевались в тесных гримёрках, бились за место перед зеркалом среди груд одежды, карандашей для глаз и заколок, и всё было покрыто щедрым слоем пудры, необходимой, чтобы закрепить макияж и убрать блеск. Воздух был тяжёлым от запаха пота, духов и мокрой пыли лондонских улиц, принесённой на куртках, и мы постоянно цеплялись друг к другу, потому что нервничали перед выступлением. Но всё это быстро забывалось в потоке адреналина после звонка за пять минут до выхода на сцену.

Понемногу я привыкла и к долгим прогулкам по улицам, где воздух наполнен несвежим дыханием семи миллионов человек, а небо над головой рассечено на грязно-серые четырёхугольники, мелькающие то тут, то там между зданиями, и бесконечно далеко от неба Лох-Ю, которое непрерывно тянется до горизонта, изгибаясь над холмами. Привыкла я и к лондонской погоде. Точнее, её отсутствию. Сезоны большого города отличаются друг от друга больше витринами магазинов, чем какими-то серьёзными климатическими изменениями: даже среди зимы город, кажется, генерирует собственное тепло, которое поднимается от сырых тротуаров и исходит от кирпичных стен. Первое время я скучала по ощущению дикости, не столь уж и редкой в шотландской погоде с её безудержной силой атлантического шторма, с её захватывающим дух холодом зимнего утра и неуловимым теплом весеннего дня. Но я быстро запрятала свитера ручной работы в ящик комода в спальне и сменила на облегчающие хлопковые топы и лёгкие рубашки из сетчатой ткани, какие носили все остальные студенты. Такой вид явно больше подходил для прослушивания, имел больше вероятности привлечь внимание режис-

сёра или продюсера. И ещё я научилась пить кофе вместо чая, пусть даже одна чашка здесь стоила больше, чем целая банка растворимого напитка, который мама покупала в магазинах Ардтуата.

Я ныряю в переулок, который спускается к театру, и плечом толкаю дверь, ведущую к сцене. Мой желудок крутит от волнения, я слглатываю желчь, которая поднимается к горлу, и это никак не улучшит мой голос. Последние несколько месяцев выдались напряжёнными, я закончила работу с «Каруселью», и вновь начался изнурительный процесс прослушиваний. Я не очень-то хорошо питаюсь и сплю. Стараюсь убеждать себя, что моя тревожность понятна, учитывая ситуацию с работой и волнения о том, как мне дальше платить за жильё, если мой счёт в банке истощается. Но за этим скрывается ещё одно чудовищное осознание, которое медленно, но неотвратно растёт на протяжении уже нескольких недель: Пирс теряет ко мне интерес. Может быть, ведь может же быть, если я получу эту роль, он вновь меня полюбит. Может быть, нам удастся вернуть страсть и интерес первых дней, и всё снова будет в порядке.

Я подхожу к остальным, которые уже собрались за кулисами, снимаю пальто, провожу пальцами по волосам, чтобы в который раз за сегодня привести непослушные огненные кудри хотя бы в относительный порядок. Прошу прощения у помощницы продюсера, ставящую галочку в блокноте напротив моего имени. Она удостаивает меня улыбкой, слишком быстрой, чтобы быть искренней, и отворачивается. Кого-то из присутствующих я узнаю: мир музыкального театра невелик. Но мы избегаем встречаться глазами друг с другом, сосредоточившись на том, чтобы держать свои нервы под контролем и слушать первую номинантку на главную роль. Конкуренция за роль будет высокой – пресса уже гудит новостями о возрождении Бродвея, а лондонское шоу высоко котируется.

Я пытаюсь сделать глубокий вдох и сосредоточиться на роли Марии Магдалины, но мои мысли кружат вокруг другого прослушивания, которое проходило два года назад в другом театре. Это был кордебалет, постановка блистательного Пирса Уокера, чья звезда восходила на театральной сцене Вест-Энда.

На прослушивании он выделил меня из всех и в конце утомительного дня пригласил сходить с ним выпить. Он сказал, что хотел бы моего участия в шоу, хотя я всегда была скорее певицей, умеющей танцевать, чем танцовщицей, умеющей петь. Он сказал, что от меня исходит сияние, что я напоминаю ему Одри Хепберн, только рыжую. Позже в тот вечер он сказал, что никогда не встречал кого-либо похожего на меня. Что у меня редкий талант. Что он поможет мне добиться успеха. А ночью, когда мы лежали среди спутанных простыней на кровати в моей грязной берлоге, он сказал мне, что я стану его музой и что вместе мы проложим путь к самым вершинам славы.

Я глотала его слова с такой же жадностью, с какой выпила бокал вина в пабе на Друри-Лейн. Какой же я была наивной: и то, и другое ударило мне в голову.

Сейчас, два года спустя, увлечение утихло, и дала о себе знать реальность. В последнее время Пирс приходил домой из театра всё позже и реже и не единожды упоминал имя новой старлетки, которая, как он мне заявил, по-настоящему *понимает* его видение и кажется ему совершенной *мечтой* режиссёра. Я начала понимать, что признание зрителей для него значит гораздо больше, чем для меня. Вся жизнь для него – это постановка. А отношения, как и его проекты, теряя блеск новизны, утомляют его и он переходит к новым. Я всё ещё цепляюсь за надежду, что стану той, кто это изменит. Той, кто убедит его остаться.

Постоянное беспокойство берёт своё. Бессонные ночи и ощущение тошноты сказались на моём голосе, хоть я и не собираюсь этого признавать. Может быть, я чуть перенапряглась, попробовав несколько партий, чтобы расширить свой вокальный диапазон. Но я не дам сомнениям взять надо мной верх. Сегодня мне нужно собраться и выступить так, чтобы получить главную женскую роль в мюзикле «Иисус Христос – суперзвезда»

– Александра Гордон, – называет мое имя помощница продюсера. Я выхожу на сцену и глубоко вдыхаю. Сердце колотится в груди как крылья пойманной птицы, но мой голос взмывает вверх легко, словно жаворонки над холмами, окружающими мой прежний дом.

§

Я получаю роль. И несколько недель Пирс внимателен ко мне, как прежде – приносит мне цветы, приглашает в ресторан, чтобы отпраздновать. Я начинаю думать, что всё будет в порядке и можно с облегчением выдохнуть. Но когда начинаются репетиции, мне всё сложнее и сложнее брать высокие ноты. Режиссёр обеспокоен. Когда он говорит со мной, я вижу в его глазах сомнение – правильный ли выбор он сделал. И однажды преподавательница по вокалу отводит меня в сторону и спрашивает, всё ли у меня в порядке.

– Всё хорошо, – отвечаю я, натягивая улыбку, куда более жизнерадостную, чем моё самочувствие. – Последние два месяца выдались трудными, но я уже прихожу в себя. Ещё у меня небольшие проблемы с желудком, но я почти поправилась. Просто немного потеряла форму. Голос вернётся, когда я совсем выздоровлю, обещаю.

Мне хочется надеяться, что я говорю убедительно. Если честно, сегодня утром меня жутко тошнило после тоста и чашки кофе, но я взяла себя в руки и пришла сюда

– Хорошо, – говорит преподавательница, но смотрит на меня с явным сомнением. – Но, Александра, я прежде не раз замечала подобное. Надеюсь, вы не обидитесь, если я спрошу... вы не беременны?

В ту же секунду, как она задаёт этот вопрос, я уже осознаю ответ. Как будто я всё знала и так, просто не признавалась даже себе. Руки сами собой тянутся к животу, кровь отливает от лица. Беременная Мария Магдалина для сцены не годится, хотя издержки её профессии могли быть и такими. Меня качает, стены будто смыкаются, угрожая похоронить меня под собой.

Преподавательница по вокалу усаживает меня на табурет в углу комнаты, прижимает мою голову к моим коленям, чтобы я не упала в обморок.

– Такое бывает, – объясняет она. – Гормональные изменения во время беременности иногда приводят к опуханию голосовых связок. Это может плохо повлиять на ваш диапазон. Перенапряжение очень опасно. Вам следует проконсультироваться с врачом. И, вне всякого сомнения, дать связкам отдохнуть.

§

Гнев Пирса – бурный, как шторм в Атлантическом океане. «Что за чёртова катастрофа!» – восклицает он, когда я вечером сообщаю ему новости после того, как посетила врача и он подтвердил, что я беременна и что одна из голосовых связок повреждена. Я протягиваю к нему руки, отчаянно нуждаясь в объятиях, но он отталкивает меня.

– Тебе надо от неё избавиться, – говорит он, и его горячая ярость сменяется ледяной неприязнью. Затем он отворачивается и наливает себе большой стакан скотча.

На секунду я недоумеваю, полагая, что он говорит о голосовой связке. Но меня тут же охватывает ужас, когда я понимаю, что речь о беременности. Аборты десять лет как легальны, но я даже не рассматривала этот вариант. Я уже чувствую связь с будущим ребёнком, свирепое желание защищать и нежную любовь.

Он отхлёбывает виски и добавляет:

– Разберись с этим, а потом, если нужно, сделай операцию на связки. Ты же не хочешь лишиться роли.

В моей голове звучит белый шум, и я не могу ясно мыслить. А потом сквозь непонимание и страх слышу голос матери, напевавшей на кухне домика зрителя слова любви и потери:

*«Неужто ты меня покинешь?
Покинешь верную любовь?»*

Я знаю ответ на этот вопрос: нет ни малейшего сомнения в том, что намерен делать Пирс. Он уже разорвал наши отношения.

А потом шум в моей голове утихает, и в том, что буду делать я, тоже не остаётся ни малейших сомнений. Я оставлю этого ребёнка и воспитаю его сама. Может быть, со временем мой голос вернётся. Преподавательница по вокалу сказала, что, если я не сильно его повредила, шанс есть. Надо будет проконсультироваться со специалистом. Но это подождёт несколько месяцев. У меня имеются кое-какие сбережения – по крайней мере, я смогу жить на них, пока не родится ребёнок, а потом вернусь к работе. Это ведь не конец, лишь остановка. В конце концов, другие певицы же совмещают детей и карьеру. Почему я не смогу?

Скотч явно развязал Пирсу язык. Когда я говорю ему, что оставлю ребёнка, на меня обрушивается поток таких оскорблений, что мне становится страшно, не сделает ли он что-то со мной и с малышом. Он заявляет, что не хочет больше иметь со мной ничего общего, что такое решение – жуткий эгоизм, что я такая же зацикленная на себе, как любая другая певица.

– Может, это даже не мой ребёнок, – выдает он, натягивая куртку, и, распахивая дверь, шипит: – Неудивительно, что они дали тебе роль Магдалины. Сразу увидели настоящую шлюху.

Я с глухим стуком захлопываю дверь за ним и его полными ненависти словами. Звук эхом отражается от стен. Я падаю на пол и лежу, скорчившись, на грязной плитке в коридоре, обняв колени, защищая новую жизнь, растущую в моём животе, и рыдаю. Я чувствую себя совершенно одинокой.

Но одно я знаю точно – моё место в Лондоне. Я ни за что не вернусь в Шотландию.

Лекси, 1978

Слава Богу, Дейзи, пристёгнутая к автокреслу, спала всю дорогу сюда от Инвернесса. Это значит, что вечером её нелегко будет уложить в кровать, но мне лучше уж спокойно проехать последние несколько миль. Я выключаю магнитофон, потому что меня уже тошнит от многочисленных детских песенок и мюзиклов Вест-Энда, которые я неоднократно прослушала за те два дня, что мы ехали в машине. Радио не переключается, так что я остаюсь слушать гудение двигателя и свои собственные мысли, пока извилистая дорога тянет нас на северо-запад.

Чем ближе мы подъезжаем, тем ощутимее становится чувство страха. Я не была здесь уже больше десяти лет. Конечно, мама приезжала ко мне несколько раз, но так редко, что мне порой казалось, будто поход на любую нашумевшую картину был для неё куда более значимым событием, чем выступления единственной дочери. Кажется, я всегда принимала как должное тот факт, что она никуда не денется из нашего маленького домика на побережье Лох-Ю, всегда будет меня ждать, если я захочу вернуться. Но возвращаться мне совершенно точно никогда не хотелось.

И вот я возвращаюсь, потому что у меня нет других вариантов. И уже поздно. Мамы больше нет. Я всё ещё не могу осознать окончательность этих слов. Как я смогу теперь без неё? Мы двое всегда были командой. Мы были друг у друга, и нам больше никто не был нужен. Именно она убедила меня уехать, поступить в театральную школу, помогла собрать чемодан. Я всегда знала, что, хотя мы находились на таком расстоянии друг от друга, она всегда была со мной рядом, когда я выходила на сцену. Но теперь я осталась одна, не считая уже моего собственного ребёнка, которого, как я знаю, за моей спиной будут называть безотцовщиной. Конечно, бывают оскорбления и похуже, и я не сомневаюсь, что они тоже прозвучат.

Злые языки будут болтать в переулках, у церковных ворот. И кто-то обязательно скажет, что история имеет свойство повторяться, и чего вы вообще ждали от девушки, которая родилась вне брака и уехала в большой город, чтобы петь на сцене? Скажут они и то, что голос, правда, у неё был, но что хорошего он ей принёс...

Дейзи вздрагивает и просыпается, когда машина с грохотом налетает на ограждение для прохода скота. Она в ужасе рыдает, обнаружив, что всё ещё пристёгнута к автокреслу, пытается вырваться, но не может, и это приводит к настоящей истерике.

– Тихо, зайка, – говорю я. – Мы уже почти дома. Надо только заехать в магазин и купить кое-что.

Было бы очень соблазнительно проехать через всю деревню, мимо старых ворот, ведущих к давно заброшенному поместью, и вырुлить прямо к домику зрителя, и ещё хотя бы несколько драгоценных последних часов не давать о себе знать. Но мне до смерти хочется чаю и чего-нибудь покрепче. И мне нужна еда на ужин. В доме, пустовавшем несколько месяцев, точно не будет ничего съедобного.

Если уж совсем честно, мысль о том, что придётся открыть дверь, переступить порог и оказаться в зябкой мрачной тишине комнат, которые всегда были полны жизни и света, меня пугает. Поездка по магазинам отсрочит момент, когда мне придётся столкнуться с тем, на что я так долго старалась не обращать внимания. Тоской. Чувством вины. И горем.

Я подъезжаю к магазину и вздыхаю, втянув запах далеко не самой чистой Дейзи, которая уже визжит во всю мощь своих лёгких.

– Тихо, моё сокровище. Подожди ещё несколько минут, и мы будем дома.

Я подхватываю её поудобнее, молясь про себя, чтобы в магазине никого не было, и толкаю дверь. Колокольчик звенит, сообщая о нашем визите, хотя и Дейзи справляется ничуть не хуже. Моя молчаливая молитва осталась не услышанной, как обычно и бывает. К нам поворачиваются несколько человек.

– Ого, Лекси Гордон, это ты! Наконец-то вернулась домой, в Ардтуат!

Вопли Дейзи на секунду стихают, потому что ей нужно глотнуть воздуха. Приветствие в этой внезапной тишине звучит неожиданно громко, напоминая мне, что Александры Гордон, звезды мюзиклов, чьё имя когда-то было даже напечатано в программке шоу Вест-Энда, больше нет; здесь я всегда была и навсегда останусь Лекси.

– Мы как раз обсуждали, что приехала какая-то незнакомая машина, наверное кто-то новенький. И вы только гляньте на эту душечку, радость и гордость бабушки – покойся с миром, её светлая душа, – активно включается в разговор спешащая к нам Бриди Макдональд. Поток слов обрушивается на меня как волна. Она набирает в грудь побольше воздуха, и её ноздри тут же вздрагивают, уловив насыщенный запах, исходящий от подгузника Дейзи.

– Здравсьте, Бриди, – коротко киваю я ей и другим покупателям, мельком взглянув на них и слишком смущаясь, чтобы выделить кого-то из толпы. Сажаю Дейзи на плечи, беру корзинку и начинаю свой путь по тесным проходам в поисках того, что мне нужно. Бриди идёт за мной по пятам, забрасывая меня вопросами и умиляясь Дейзи, которая вновь начинает визжать.

Я отвечаю как можно тактичнее. Да, я вернулась. Да, меня долго не было. Да, я боюсь, что после целого дня в машине она выглядит не очень презентабельно. Я просто зашла купить кое-что по мелочи, а потом поедем домой, и я приведу её в порядок.

Я беру пачку чая и печенье. Мне очень мешают ёрзанье Дейзи, вопросы Бриди и сетка на бамбуковых шестах, под которую я неловко пытаюсь подлезть и достать пакет молока. Нет, пока я не знаю, сколько здесь пробуду. Нет, у меня пока никаких конкретных планов. Нет, пока не пою. Да, надо будет разобрать мамнины вещи. Это очень мило с вашей стороны, спасибо, но я справлюсь и сама. Нет, продавать домик зрителя не собираюсь.

Уже на грани отчаяния, я бросаю в корзину четыре сморщенных морковки, помятую луковицу и бутылку тоника. Ищу лимоны, но их нет, не считая тех, что сделаны из ярко-жёлтого пластика. Картошки тоже не осталось, так что беру упаковку пюре и – поскольку я уже не в силах сегодня готовить что-то серьёзное – мясные консервы, а также замороженный пирог с почками.

Наконец я добираюсь до кассы. Покупатели, судя по всему, никуда не торопятся, с радостью слушают вопросы Бриди и мои ответы. Их молчаливое осуждение прямо кружит над моей головой, как ястреб, который того и гляди вцепится в свою добычу. Ставлю корзинку на кассу, усаживаю поудобнее на плечах свою потную, плохо пахнущую дочь, радуясь, что она наконец успокоилась. Оглянувшись через плечо, я понимаю, что причина этого – шоколадное драже, которое ей скормила Бриди. Теперь Дейзи вытирает ладошки о мою замшевую куртку. Эту куртку я купила в прошлой жизни, когда у меня были деньги и когда мой образ сочетался с такой роскошной одеждой. Теперь я ношу её потому, что не могу позволить себе купить что-то более практичное. Я понимаю, как она смотрится. Такой куртке здесь не место. Как и её владелице.

Я улыбаюсь Мораг, продавщице. Женщины наблюдают, как та берёт каждую мою покупку и кладёт в бумажный пакет с логотипом, а я вспоминаю ещё кое-что.

– Да, и бутылку джина, пожалуйста.

Она достаёт бутылку с полки, и я старательно избегаю встречаться глазами с женщинами. Их осуждение, висящее в воздухе, становится ещё более плотным. Я расплываюсь, поднимаю глаза и вызывающе улыбаюсь всей компании.

– Привет, Лекси, – говорит молодая блондинка с коляской, сидящий в которой безукоризненно одетый малыш чуть постарше Дейзи наблюдает за происходящим, широко распахнув голубые глаза. Я не сразу узнаю блондинку.

– Элсбет? Привет! Рада тебя видеть. У тебя теперь тоже маленький?

В школе мы дружили, но после того как я уехала, перестали общаться. Она кивает, но не предпринимает попыток продолжить разговор.

Я неловко наклоняюсь за пакетом, одновременно пытаюсь удержать Дейзи. Она очаровательно улыбается Бриди, Мораг, Элсбет и всем остальным женщинам, её щёки горят, ресницы блестят от недавних слёз.

– Давай помогу, – предлагает Бриди и пытается забрать у меня пакет, но я качаю головой. Если она увидит, что моя машина до потолка забита моими роскошными нарядами, тут-то мне и крышка. Мало того, что все скоро поймут, какая я плохая мать ребёнка-бездотцовщины, так еще всем сразу же станет ясно, что я вернулась в Ардтуат, поджав хвост, нищая, безработная, опоздав на несколько месяцев и не успев позаботиться о своей несчастной матери в последние дни её жизни.

– Не беспокойтесь, я сама. Если можно, подержите мне дверь. Спасибо.

Когда я ставлю коробку на капот машины и роюсь в сумке в поисках ключей, пирог выскальзывает и с грохотом падает на асфальт. Несколько человек за окном магазина поворачиваются к нам.

Я открываю дверь и усаживаю Дейзи на сиденье. Неудивительно, что она тут же во весь голос высказывает своё возмущение по этому поводу. Я молча застёгиваю ремень, потому что, если раскрою рот, не факт, что сама удержусь или от таких же громких ругательств, или от слёз.

Я пытаюсь поднять пирог, но рядом уже стоит Элсбет, а её глазастый малыш невозмутимо смотрит на меня.

– Вот, – говорит она, протягивая мне помятую коробку.

– Спасибо. Так себе ужин, но на сегодня сгодится, – начинаю взволнованно от смущения и стыда лепетать я.

Элсбет кивает, заглядывает в окно машины, пытаюсь рассмотреть коробку с кухонными принадлежностями и настольную лампу. Кажется, она хочет что-то сказать, но передумывает и разворачивает коляску.

– Увидимся.

– Ага, – соглашаюсь я, сама при этом стою у машины и смотрю, как она увозит своего чистенького, опрятно одетого малыша, сворачивает у ворот дома, выходящего на гавань, и вталкивает коляску в его дверь, выкрашенную жёлтой краской.

Я сажусь на переднее сиденье, вытягиваю свои окоченевшие конечности и глубоко вдыхаю, прежде чем повернуть ключ в замке зажигания.

– Ну вот, Дейзи, – говорю я как можно жизнерадостнее, надеясь, что она не услышит дрожь в моём голосе, – вот мы и едем в домик зрителя.

\$

На следующее утро меня будит стук в дверь. Мы обе провалились в глубокий, глубокий сон, но лишь когда рассвет уже начал заливать небо над холмами.

Ночь не задалась по большей части оттого, что Дейзи не удавалось уснуть в слишком тихой и незнакомой темноте: она привыкла к шуму машин и огням большого города, разбавляющим черноту ночи до почти оранжевого сияния, привыкла к собственной кровати в собственной спальне. Когда как я сменила ей подгузник, накормила её, дождалась, пока погружаемый нагреватель нагреет достаточно воды для небольшой ванны, искупала ее и попыталась уложить спать, она пришла в совершенный ажиотаж, восхищённая новизной крошечного домика, забитого маминими вещами. Чтобы помешать ей сеять хаос среди сувениров и фотографий, которыми заставлена гостиная, я усадила её себе на бедро, одновременно пытаюсь открыть консервы.

После нескольких минут напряжённой борьбы с древним консервным ножом и обломками крышки, ставшими приправой к моему ужину, а также после того как я разрешила палец и забрызгала всё вокруг своей кровью, мне пришлось наконец признать поражение. Обмотав

рану туалетной бумагой, я выключила духовку и налила себе джина с тоником. После этого отнесла Дейзи в спальню и разобрала кровать, что с раненой рукой оказалось довольно трудно. Кто-то явно успел здесь побывать, потому что с кровати сняли матрас, а простыни выгладили и аккуратно сложили в шкаф.

Я помнила, что на чердаке лежит старая деревянная кровать, в которой я еще ребенком спала в этой самой комнате, в ногах этой самой большой кровати. Но сейчас у меня уже не было сил вытаскивать из сарая лестницу, лезть на чердак, доставать и собирать кровать. Так что я уложила Дейзи в гнездо из одеял и свернулась калачиком рядом с ней. Но у неё были другие планы. Вымытая и накормленная, она почувствовала себя новой женщиной, жаждущей веселья и развлечений после долгого и скучного дня в машине. Даже измученная и злая, я была не в силах сдержать смех, глядя, как она катается по кровати туда-сюда, запутывая в простынях нас обеих.

Я пыталась ей петь, но, услышав свой собственный надтреснутый голос, едва не расплакалась, так что оставила это занятие. Решила лучше выудить из сумки с игрушками ее любимого голубого зайца и книжку с картинками, но она не оценила мои усилия. Ей больше хотелось физических упражнений, так что пришлось качать её на животе. Еще она изо всех сил дрыгала маленькими ножками, но так и не устала. Спустя полчаса мои руки уже болели так же сильно, как и голова. Я решила, что джин сейчас – это плохая идея, и, взяв Дейзи и недопитый стакан, пошла на кухню. Там поставила стакан на стол рядом с бутылкой и побрела в гостиную, чтобы полюбоваться видом из окна.

Сквозь старые оконные стёкла всегда сквозило, так что я завернула Дейзи в шаль, которую мама связала для нее, когда она родилась, – красивую шаль с узором в виде раковин морских гребешков, тончайшую, как кружево. Я гладила дочь по спинке, пытаюсь убаюкать, и чувствовала под пальцами мягкость белой шерсти. На мгновение передо мной встал образ мамы, сидящей у огня с мотком той шерсти на коленях и снующими туда-сюда спицами в руках. Мне, слишком уставшей, чтобы плакать, оставалось лишь покачать головой и сморгнуть слезы.

За домом взошла луна, осветила озеро. Был прилив, он давал возможность разглядеть, как вода мягко плещется о берег. Не обращая внимания на мою сентиментальность, вызванную изнеможением, Дейзи лепетала и болтала, указывая пухлым указательным пальцем на окно и комментируя увиденное.

– Ада2, – сказала она и вновь повторила: – ада2.

Ночную тишину иногда нарушал крик кулика с берега. Я нежно ворковала со своей маленькой дочкой, целовала её только что вымытые волосы и покачивала на плече. Услышав тихий звук лодочного мотора, мы обе подняли глаза. Небольшая рыбацкая лодка скользнула по полоске лунного света, оставив за собой пляшущую звёздную полоску там, где от винта пробудилось свечение.

– Ада2, – многозначительно сообщила Дейзи.

– Красиво, правда? – спросила я. – Лодка.

– Одка, – повторила Дейзи, и я рассмеялась.

– Точно. Ты моя умничка.

Мы любовались огнями, пока их танец не стих.

– Ну всё, милая, – наконец сказала я, – теперь пора спать.

Но у Дейзи были другие планы.

К двум часам ночи мы обе расплакались от изнеможения. И только после того, как она, всхлипнув, уснула, я вытерла глаза краешком простыни, завернулась в неё, накрыла нас обеих шалью и погрузилась в долгожданное забвение.

§

Стук в дверь, который меня будит, сперва сквозь сон кажется тихим, и я медленно выплываю из глубины сна, поднимаюсь к поверхности дневного света. Стук повторяется, настойчивее тянет меня наверх.

Осторожно, чтобы не разбудить Дейзи, я выпутываюсь из одеял, натягиваю халат, висящий на двери спальни. Застигнутая врасплох, наспех пробегаю пальцами по всклокоченным кудрям, ту же затягиваю халат на талии. Распахиваю дверь, готовая дать отпор неприятному человеку, посмевавшему будить меня в такой час.

Но слова замирают на моих губах, когда я вижу мужчину, застывшего в дверях. Его фигура резко прочерчена на фоне серо-стальных вод озера, ветер треплет его волосы. – Вам помочь? – спрашиваю я ледяным тоном, хотя его улыбка – такая тёплая.

– Привет, Лекси. Я Дэйви Лаврок, – начинает он и многозначительно умолкает, будто только его имя должно мне о чём-то сказать. Повисает неловкая тишина. Я напрягаю мозги. Не-а. Ничего не всплывает. Кроме шотландского слова «лаврок», которым мама называла жаворонков, парящих в небе над озером. Мне остается только тупо таращиться на мужчину. А он отводит взгляд, его улыбка медленно гаснет, и он протягивает мне большую сумку.

– Бриди просила тебе передать.

Я беру у него сумку и заглядываю внутрь. Она тяжёлая, потому что в ней лежат небольшие, похожие на лангустинов лобстеры, какие нередко попадают в сети рыбаков. При виде их коралловых панцирей мой рот наполняется слюной: на таких маленьких лобстеров нет коммерческого спроса, но они просто изумительны, будучи сваренными в кастрюле озёрной воды и как следует смазанными майонезом или чесночным маслом. Извлечь мясо из их плотной брони – трудное занятие, но результат стоит одного, а то и двух сломанных ногтей.

– Спасибо, – говорю я. – И Бриди тоже спасибо.

– Она говорит, ты только что вернулась. Говорит, они будут кстати.

Ну вот, сплетни уже разлетаются.

Мы молча стоим в дверях, смущённо пялясь друг на друга, и у меня появляется разглядеть в его лице что-то, что поможет мне наконец его узнать. У него открытое, жизнерадостное лицо человека, который в ладах с самим собой, серо-голубые глаза и обветренная кожа. Он явно местный и думает, что я его знаю, потому что здесь само собой разумеется, что все знают всех и все вписываются в эту компанию.

– Мне так жаль, что твоей мамы больше с нами нет, – говорит он наконец. – С домом всё в порядке? Бриди заглядывала сюда пару раз. Но если нужна будет помощь, дай мне знать.

Его взгляд скользит куда-то мимо меня, и я чувствую: что-то привлекло его внимание. Обернувшись, понимаю, что именно: бутылка джина и полупустой стакан рядом с ней. Вполне понятно, о чём он думает. В такой ранний час... Я смотрю на часы и вижу, что сейчас позже, чем мне казалось, – почти десять. Но тем не менее.

Я вызывающе смотрю на него, готовая защищаться.

– Это вообще не то, что ты подумал. Ну, выпила вчера за ужином.

Он пожимает плечами.

– Я ведь тебя не осуждаю.

Вот спасибо. Но уверена, не пройдёт и получаса, и это станет известно Бриди.

– Приятного аппетита. Если захочешь ещё лобстеров, я всю неделю на озере. Черкни мне записку и оставь на пристани.

Я молчу и думаю о том, какой нелюбезной я ему, наверное, кажусь.

– Ещё раз спасибо. С удовольствием съем.

– Не за что. Ну, увидимся.

Я смотрю, как он направляется к «Лэнд Роверу», припаркованному у обочины, насвистывая под нос мелодию. У него широкие плечи и пружинящая походка рыбака. Мотив мне знаком – мама часто напевала эту песню. Он садится в машину, заводит мотор, затем, прежде чем отъехать, смотрит на наш домик и машет мне рукой.

Я выливаю в раковину всё, что осталось в стакане, и ставлю бутылку в шкаф, а сумку с лобстерами – в холодильник. При этом ловлю себя на том, что тоже жужжу про себя мелодию, которую он насвистывал, – кажется, она ко мне прилипла. Пытаюсь даже запеть: *Неужто ты меня покинешь...* Но мой голос вновь ломается, и я оставляю эту затею.

Что-то начинает всплывать в глубинах памяти. Может быть, я где-то уже видела эти серо-голубые глаза, но не помню, где именно. Пытаюсь уцепиться за обрывки воспоминаний, но они вырываются и уносятся прочь, скользкие, как рыбы.

Я наполняю водой электрический чайник, ставлю на плиту. Когда достаю с полки заварочный чайник, старый, коричневый, меня внезапно захлестывает волна горя, и дыхание в груди перехватывает. Я словно слышу в этой кухне мамин голос, ту самую песню, и прижимаю чайник к себе.

*Выкопай могилу мне глубокую,
Розы положи в изголовье,
Горлицу в ногах поставь одинокую —
Пусть узнают, что убита я любовью.*

У неё всегда был готов чай, она всегда приносила мне чашечку, просила я об этом или нет. Теперь, при виде этого чайника, я понимаю, что мама приносила мне не просто напиток. Это был особый знак нашей близости – крошечные, незначительные моменты, которые я воспринимались мною как должное. С помощью чая она по несколько раз на дню показывала мне, как сильно меня любит.

Всё ещё слыша её голос и слова песни, я иду в гостиную и снимаю с каминной стойки фотографию отца. Взгляд его тёмных глаз, затенённый, ни о чём не говорит, но это единственная его фотография, какая у меня есть. Его звали Алек Маккензи-Грант, он служил в военно-морском флоте и погиб до того, как я появилась на свет. Больше я почти ничего о нём не знаю. Когда я просила маму рассказать о нём, она всегда говорила о его доброте, о том, как он её любил и как любил бы меня, если бы дожил до моего рождения. Но когда я задавала вопросы о его родителях, о том, каково было быть сыном владельца огромного поместья, она всегда отвечала уклончиво. Меняла тему, спрашивала, рассказывала ли она мне, как Алек и мой дядя, Руарид отправились на лодке ловить скумбрию и увидели гигантскую акулу? И хотя эту историю я уже слышала сотни раз, я не мешала матери рассказывать её снова и снова.

Лишь став старше, я поняла, как тяжело ей было думать о той жизни, какую она могла бы вести, став хозяйкой поместья и, может быть, о той жизни, какую она могла бы дать мне. Так что я перестала задавать ей вопросы, от которых она становилась лишь грустнее. Но мне всегда хотелось узнать об отце – о том, каким он был, о том, почему мама так неохотно говорила о его родственниках. Её рассказы были полны детской невинности, той невинности, которую уничтожила война. Конечно, она хотела от чего-то защитить меня, а что-то и забыть. Но теперь я жалею, что перестала спрашивать. Жалею, что так и не узнала их историю. Жалею, что часть моей собственной истории теперь для меня потеряна.

Я ставлю его фото на место, рядом с фотографией мамы. Не осталось ни одной, где они вдвоём, и при этой мысли мне становится ещё грустнее.

Вода закипает, чайник свистит, возвращая меня в настоящее, и я смахиваю слезу рукавом халата. Вернувшись в кухню, наполняю водой коричневый чайник, добавляю листья из

железной банки в шкафу и помешиваю. Настоящий чай, точь-в-точь такой, как всегда варила моя мама, Флора.

А потом Дейзи начинает ворочаться, и я бегу к ней, чтобы её день начался с улыбки.

Флора, 1939

Флора Гордон подбросила торфа в огонь и поставила чайник на плиту закипать. Воды озера в утреннем свете становились жемчужно-серыми. Отец с минуты на минуту должен был вернуться домой, задав корм животным, и надо было угостить его завтраком и согреть чашечкой чая.

Она слышала стук его ботинок, за ним – лёгкий топот лап Браана. Чёрный лабрадор всегда был рядом, приглядывал ли отец за пони в поле, за собаками в будках, уходил ли в леса следить за охотничьими птицами и оленями – как смотритель поместья Ардтуат, он был ответственным за них всех.

Она тихо мурлыкала песню себе под нос, и чайник подпевал, бурча и посвистывая. Она поставила на огонь кастрюлю с овсянкой, простоявшую на столе всю ночь, добавила щепотку соли и как следует перемешала. Потом согрела на огне коричневый чайник, бросила туда несколько листьев. Её движения были быстрыми и ловкими, отточенными многолетней привычкой.

Браан вломился в кухню, виляя хвостом, приласкался к Флоре, прежде чем ткнуться мордой в железную миску с его собственным завтраком.

– Всё в порядке, пап? – спросила Флора, ожидая, что отец, как обычно, молча кивнёт, сядет во главе стола и вытянет ноги в толстых шерстяных носках. Но в то утро он подошёл к окну, стал смотреть на озеро.

– Похоже, у нас будут гости, – сказал он, указав на залив. Вытерев руки о тряпку, висевшую у плиты, Флора подошла к нему.

В тихом утреннем свете показалась вереница кораблей. Серые корпуса двигались медленно, но с силой, легко разделявшей волны. Воздух вокруг них, казалось, вибрировал, будоража кружащих над ними морских птиц. Флора насчитала пять кораблей. Казалось, они, как левиафаны, поднялись из вод залива, пробудились ото сна, когда всего десять дней назад объявили, что Великобритания находится в состоянии войны с Германией. Отец взял с подоконника бинокль и посмотрел вдаль. Не говоря ни слова, передал бинокль Флоре. Корабли щетились пушками и антеннами. Когда они подошли ближе, она услышала шум их двигателей.

– Флот метрополии, по всему судя, – сказал отец.

Флору затрясло от волнения и страха.

– Но что они будут делать здесь? Война идёт за сотни миль отсюда.

Отец пронизательно посмотрел на нее из-под копны седых волос.

– Шла за сотни миль отсюда, душа моя. А теперь и сюда добралась.

– Как ты думаешь, на одном из кораблей может быть Руарид?

При этой мысли сердце Флоры так и подпрыгнуло. Её брат два года назад вступил в ряды Королевского флота, и она очень по нему скучала. Как и многие парни, выросшие на этом побережье, он чувствовал себя как дома и на воде, и на суше.

– Не думаю. В прошлом письме он писал, что сейчас в Портсмуте, приставлен к эсминцам. Они меньше этих линкоров. Он может быть где угодно.

Пока они смотрели, первый из кораблей медленно остановился и бросил якорь, звякнув цепями. Флора вернула бинокль отцу.

– Как думаешь, что они делают тут, в Лох-Ю?

Он пожал плечами.

– Чутьё у тебя не хуже моего. Но уверен, что скоро мы всё узнаем.

Он отвернулся от окна, но она успела заметить выражение его глаз. Хотя его осанка была, как всегда, прямой, а манеры – спокойными, она видела, как его пугает война. Он волновался за сына, воевавшего далеко, в Англии. Военные корабли в мирном заливе, на который выходил

домик зрителя, принесли чувство страха прямо к их входной двери. В присутствии невозмутимого отца, который всегда чувствовал себя непринуждённо, который следил за всем помещением и пользовался огромным уважением, Флора всегда чувствовала себя в безопасности. Но, увидев этот проблеск страха в его глазах, она ощутила, как земля трещит под её ногами, как рушится их спокойная жизнь.

Словно почувствовав её тревогу, Браан ткнулся носом в её ладонь, успокаивая. Она отвернулась от окна и разлила кашу по тарелкам.

\$

Маленькое почтовое отделение было до того битком набито, что очередь выстроилась в два ряда. Похоже, половине жителей деревни этим утром внезапно понадобилось либо отправить письмо, либо купить конверт и марки. Флора встала в очередь, однако обнаружила, что никто особенно не торопится подойти к стойке мисс Кэмерон, почтальона. Все были заняты разговором о флоте метрополии, прибывшем прямо к порогу.

– Большой корабль посередине – «Нельсон», а на борту мистер Черчилль, – заявила миссис Кармайкл, непререкаемый авторитет в различных областях, не только непосредственно связанных с должностью председательницы местного отделения Женского сельского института. Поскольку все три ее сына воевали в Аргил-сатерлендском хайлендском полку, все признали ее право выступать и по военным вопросам. А теперь, когда ее муж, Арчибальд Кармайкл, получил звание начальника авианалета, она стала непревзойдённым источником информации.

– Что они делают здесь, в Лох-Ю? – спросила Бриди Макдональд, облизнув марку и протягивая письма мисс Кэмерон. – И пачку мятных конфет, пожалуйста.

Почтальон достала с полки за спиной высокую банку с мятными конфетами, отмерила сколько нужно, взвесила, переложила в белый бумажный пакет и закрутила углы, чтобы запечатать его.

– Готово, – она взяла у Бриди монеты.

– Арчи говорит, что это военная тайна, – ответила миссис Кармайкл.

– Они, видимо, разведывают, где разместить флот, чтобы защитить нас в случае вторжения подводных лодок с севера.

– Уфф, Бриди, знаешь, как говорится – сплетни могут стоить жизни.

Бриди собиралась с возмущением отметить, что миссис Кармайкл сама секунду назад сообщила возможным немецким агентам, ожидавшим в очереди за марками и сладостями, что сам первый лорд Адмиралтейства прибыл сюда на одном из кораблей, но промолчала и сунула в рот конфету. Миссис Кармайкл по телосложению и темпераменту мало чем отличалась от тех линкоров, а Бриди не была настолько храброй или глупой, чтобы её злить.

– Вместо того, чтобы сплетничать, могла бы протянуть руку помощи. Сельский институт вяжет шарфы для наших мальчиков, и нам нужна помощь от всех вас. Ты с нами? А ты, Флора?

Отказать Мойре Кармайкл не стоило и надеяться. Обе девушки послушно кивнули. – Очень хорошо. Встречаемся в зале в три. Спицы берите с собой. Шерсть мы вам предоставим. – Она взяла сумки, собираясь уходить, и тут дверь хлопнула. – О, Майри, надеюсь, на тебя мы тоже можем рассчитывать?

Флора повернулась и улыбнулась лучшей подружке. Майри Маклауд беззаботно пожала плечами.

– Рассчитывать на меня в чём?

– Мы вяжем шарфы для солдат, – ответила Бриди, зажав конфету между зубами. – Встречаемся в три часа в зале.

– Жду всех троих, девочки, – подытожила миссис Кармайкл и удалилась царственной походкой. Очередь понемногу начала продвигаться вперёд.

– Есть новости от Руарида? – спросила Майри. Флора покачала головой.

– С прошлой недели не было, – ответила Флора, покачав головой. Затем она помахала конвертом: – Вот, написала ему письмо.

Взглянув в окно на пришвартованные корабли, Майри спросила:

– Интересно, долго они тут пробудут?

Из трубы одного из них поднимался тёмный дым, другой спускал на свинцово-серую воду маленькие шлюпки. По палубам туда-сюда сновали люди.

– Понятия не имею, – ответила Флора. – Может, они просто остановились, прежде чем плыть дальше?

Но слова Бриди всё ещё звенели в её ушах. Вдруг они правда искали, где разместить флот? Вдруг собирались остаться здесь навсегда? Только время – и, может быть, миссис Кармайкл – могли дать ответ.

\$

Флора и Майри бок о бок сидели у плиты и дружески болтали, а их спицы ловко сновали туда-сюда. Мотки серой шерсти, которые им выдали два дня назад, быстро превращались в шарфы, связанные по точным указаниям миссис Кармайкл.

– Этот серый слишком мрачный, – вздохнула Флора, откладывая вязание, чтобы поставить чайник.

– Я знаю, – согласилась Майри, – но мне кажется, это можно исправить.

– Да, немного цвета не повредит. Смотри, у меня осталось чуть-чуть красной шерсти. Думаю вывязать небольшую яркую полоску у одного конца. Любой солдат повяжет такой шарф и почувствует, что мы хотим его подбодрить.

Майри рассмеялась и, покопавшись в своей корзинке, выудила нежно-жёлтый моток.

– Отличная мысль. Даже парочка рядов сделает наши шарфы особенными.

Донесшийся с озера звук судовой сирены испугал куликов, и они вспорхнули. За последние пару дней прибыли ещё несколько кораблей, и один из них, если верить слухам, закладывал в устье озера Лох-Ю противолодочные сети.

– Что там сейчас творится? – Майри оторвалась от работы и вытянула шею, чтобы посмотреть в окно кухни.

– Прибывают новые корабли, – ответила Флора, рассеянно заправляя в длинную, ниже спины, косу выбившуюся прядь золотисто-рыжих волос. – Может статься, Бриди права. Что-то их уж очень много.

Водный участок между берегом и островом изобиловал судами всех размеров, от огромных линкоров с широченными носами и высокими башнями до маленьких и быстрых эсминцев и крейсеров. Лодки, снующие между кораблями взад и вперёд, рядом с внушительными серыми громадами казались крошечными.

По слухам Бриди, слышавшей об этом от миссис Кармайкл, сеть, которую они ставили, должна была протянуться от края острова до скал на противоположном берегу и защитить гавань от любых подводных лодок, не дав им проскользнуть.

Флора заварила чай и снова взялась за вязание, проложила аккуратный красный ряд. Когда открылась входная дверь, она подняла глаза, ожидая, что сейчас вбежит Браан, а вслед за ним войдёт отец. Но спустя секунду она уже стояла в дверном проёме кухни, отбросив вязание в сторону, и обнимала молодого человека в бело-синей униформе военно-морского флота.

. – Руарид! – радостно кричала она. – Мы так и думали, что ты приплывёшь на одном из этих кораблей. Папа будет так рад!

Брат улыбнулся, подхватил её на руки и кружил по комнате, пока она уже сама не могла сказать, от счастья у неё кружится голова или от его выходки. Наконец вновь поставив её на пол, он обнял и Майри.

– Рад видеть, что вам, девчонки, есть тут чем заняться. Может, и чаю мне нальёте? – поинтересовался он будничным тоном, будто они виделись вчера вечером, а не три месяца назад, в его последний отпуск.

– Ты надолго? – спросила Майри.

– Вовсе нет. Мне разрешили на часок заглянуть сюда, и всё. Мы сопровождаем «Нельсона». Сегодня вечером уже отправимся дальше в путь, – объяснил Руарид, сел за стол и вытянул длинные ноги.

– На каком ты корабле? – спросила Флора, вручая ему чашку чая.

– «Машона». Стоит ближе к острову. Вон, видите те три эсминца? Наш – крайний справа.

– Ты ещё вернёшься?

– Трудно сказать, – он подул на чай, отхлебнул глоток. – Смотря где будут боевые действия. Но как же хорошо побыть дома, с моими любимыми девчонками.

– Ты никого не встретил в Портсмуте? Говорят, у моряков в каждом порту по подруге, – поддразнила Майри. Флора в глубине души надеялась, что однажды её старший брат и лучшая подруга станут парой, она видела, что Руарид видит в Майри скорее ещё одну сестрёнку.

– Ох, боюсь, мы слишком заняты всякими скучными делами, вроде подготовки в войне, так что по любовному фронту и доложить-то нечего.

Лишь тогда в кухню влетел Браан, радостно завизжав при виде Руарида; тот наклонился и потрепал лабрадора за уши.

– Хорошая собака, Браан. Где твой хозяин?

– Тут, – ответил Йен Гордон, снимая охотничью войлочную шляпу и запихивая в карман куртки. – Я так и понял, что у нас какая-то новость, когда Браан пулей рванул с холма. Подумал, может, ты вернулся, сынок.

Руарид поднялся и обнял отца. Майри собрала вязание, сложила в корзинку.

– Мне пора, – сказала она. – Надо помочь маме с ужином и сосунками,

У Майри было пятеро младших братьев и сестёр в возрасте от четырнадцати до пяти лет, и этим объяснялся её удивительно терпеливый и добродушный характер. Её родители были работающими фермерами, держали овец и стадо дойных коров, так что были заняты от рассвета до заката. Флора завидовала её большой семье, а Майри, в свою очередь, шутила, что променяла бы их всех на одного старшего брата – такого, как Руарид, который мог бы познакомить её со своими друзьями.

– Береги себя, Руарид Гордон. Надеюсь, скоро увидимся.

– Пока, Майри. Рад был пообщаться, – он взглянул на часы. – Я тоже ненадолго, пап, всего на несколько минут. Надо вернуться к пяти. Но я не мог не заглянуть домой хоть на полчаса.

Допив остатки чая, Руарид поднялся на ноги, надвинул фуражку и в последний раз погладил шелковистые уши Браана.

– Скоро увидимся, пап.

– Да. Думаю, скоро.

Флора знала, что за поверхностью этих простых слова таился целый океан других, невысказанных, которые не нужно было произносить вслух, потому что оба всё понимали и так. Она сняла с крючка у двери толстый свитер.

– Я провожу тебя до причала, – сказала она, желая провести с Руаридом как можно больше драгоценных минут.

И вот брат с сестрой пошли на причал, свернули на дорогу, огибающую кромку воды. Машин было больше, чем обычно, легковые автомобили и грузовики, битком набитые солда-

тами и матросами, так и носились туда-сюда, так что Флоре приходилось то и дело отступать на поросшую травой обочину, чтобы уступить дорогу. Пока шли мимо ворот поместья, Руарид рассказывал ей о жизни на корабле, о работе связиста, но внезапно раздался громкий гудок автомобиля. Оба повернулись и посмотрели на подъездную дорожку. Навстречу, подпрыгивая на выбоинах, несся блестящий бордовый седан.

– Это Алек! – Руарид, рванул к машине и спустя секунду уже жал руку молодому человеку, тоже в униформе военно-морского флота.

– Руарид, и ты здесь! И Флора! – он пожал обоим руки. – Сто лет не виделись! Скучал по вам обоим. Позвольте представить вам мою невесту, Диану Кингсли-Скотт.

Элегантная молодая женщина на пассажирском сиденьи казалась немного скупающей, но томно помахала в их сторону изящной рукой, украшенной большим кольцом с сапфиром.

– Поздравляю! Мы не слышали новость, – Руарид хлопнул Алека по плечу.

– Я только на прошлой неделе поднял этот вопрос. Мы подумали, надо приехать и сообщить родителям, прежде чем размещать объявление в «Таймс».

Улыбка Алека Маккензи-Гранта осталась такой же лучезарной, как в детстве, когда они втроем часы напролёт устраивали в роще за поместьем Ардтуат логова пиратов и пускали бумажные кораблики. Он не был похож на других мальчишек начальной школы, куда ходили все трое. Те не достаивали Флору ни малейшего внимания по двум причинам – она была на год младше и к тому же девчонкой. Но Алек всегда звал её участвовать в играх, поддержал в стычке с Вилли Мактаггертом, обижавшим Бриди, на спортивных соревнованиях взял в свою команду. Они с Руаридом в те беззаботные времена были лучшими друзьями, а потом Алеку исполнилось десять, и его отправили в закрытую частную школу. Но, несмотря на это разделяющее обстоятельство, сын владельца особняка и сын смотрителя в каникулы были неразлучны, пока Алек не поступил в университет. Теперь он проводил свободное время в Лондоне или навещал английских друзей, но сейчас, когда он вернулся, всем троим казалось, что долгих лет разлуки будто и не было.

– Куда вы собрались? – поинтересовался Алек.

– Возвращаюсь на пристань в Олтбеа, – ответил Руарид. – Мне удалось вырваться на часок, повидать папу и Флору. Сегодня уже уплываем дальше. Мы в эскорте, сопровождаем «Нельсон».

– Ух ты, вот это приятно слышать, – улыбнулся Алек, – держи в курсе. Значит, ты на одном из эсминцев? Изумительно! Садись, подвезём – если вы, конечно, не хотите прогуляться, – он перевёл взгляд на Флору. – И ты тоже садись. Я знаю, как ценно подольше побыть с родными.

– Хорошо! А на обратном пути как следует вытяну ноги, – заявила Флора. Гордоны сели в новенькую машину, пахнущую кожей.

– Я везу Диану в Акнашин, чтобы она успела на поезд, – объяснил Алек.

– Где вы живёте, мисс Кингсли-Скотт? – вежливо спросил Руарид.

– В Кенсингтоне, – ответила она сухо, давая понять, что не расположена к дальнейшим вопросам. На миг повисло неловкое молчание, а потом Алек сказал:

– Диана собирается поступать на дипломатическую службу. Внести свой вклад в работу для нужд фронта.

– А Флора сегодня весь день вязала, – заявил Руарид, – тоже вносит свой вклад.

Флора вспыхнула от стыда. Вязание казалось таким жалким в сравнении с дипломатической службой!

Пока Алек вёл машину, она молчала и слушала, как мужчины обмениваются впечатлениями от службы в военно-морском флоте. Их пути разминулись в Дартмуте, где Руарид проходил обучение на связиста, а Алек окончил военно-морское училище и в качестве младшего

лейтенанта был отправлен во флот метрополии. Они, по всей видимости, пересекались в Португалии месяц назад, но так и не встретились в суматохе сборов.

Подъезжая к Олтбеа, Алек съехал с дороги и остановил машину, открыл окно, чтобы наполнить её воздухом. Все четверо застыли в резко нависшем молчании, слушая тихий плеск воды и крики чаек. Минуты текли, никто не произнёс ни слова. Лишь Диана нетерпеливо постукивала накрашенным ногтем по сумочке из крокодиловой кожи, лежавшей у неё на коленях.

Флора смотрела на профиль брата. Широкий форменный воротник подчёркивал ширину его плеч, светлые волосы под фуражкой были коротко острижены. Глядевший вдаль, на суету в озере, он казался почти незнакомцем.

Она перевела взгляд на Алека. Плечи у него были такими же широкими, фуражка лежала на заднем сиденье, прямые чёрные волосы трепал ветер. Мысль о том, что они несут службу на корабле и каждый день сталкиваются с множеством опасностей, какие приносит жестокое, беспощадное море, наполнила её ужасом. Она сглотнула, стараясь облегчить напряжение, сдавившее горло, когда ей живо представилось, как они покидают ласковые объятия холмов, окружающих Лох-Ю, и направляются на север, к волнам открытого моря. Сморгнув слёзы, она увидела в отражении зеркала заднего вида улыбку Алека. Он наблюдал, как она за ним наблюдает, и его глаза были всё теми же – глазами верного друга детства, всегда готового помочь и защитить.

Он повернулся к ней, вытянул руку вдоль спинки кресла, спросил:

– Как там ваш папа?

В юные годы Алек проводил в компании смотрителя поместья гораздо больше времени, чем с собственным отцом. В Ардтуате сэр Чарльз интересовался лишь рыбалкой и охотой с друзьями, приезжавшими из Лондона, и очень часто покидал родные места ради деловых поездок в Англию, надолго покидая леди Хелен и их сына.

– Хорошо, – просто ответила Флора и улыбнулась ему в ответ, вдруг осознав, что на ней грубый мешковатый свитер и что непослушные пряди волос вновь выбились из косы. Она заправила своевольный локон за ухо. – Дел у него прибавилось, но, как мне кажется, ему нравится заправлять всем поместьем.

Несколько недель назад управляющий сэра Чарльза поступил на военную службу, и отцу Руарида и Флоры пришлось взять на себя его обязанности, чтобы леди Хелен спокойно жила в отсутствие супруга. Алек кивнул.

– Мама говорит, он отлично справляется. Папа скоро приедет. Мама пытается его убедить проводить больше времени в Ардтуате. Волнуется о его безопасности.

Услышав сигнал с корабля, он вновь повернулся к озеру.

– Думаю, нам пора, – сказала Диана, указывая на изящные золотые часы на запястье.

Кивнув, Алек повернул ключ в замке зажигания и развернул машину. Остаток пути до пристани они проехали молча, а потом Алек остановился у сваленных в кучу рыбацких сетей и выпустил Гордонов из машины. Он вновь пожал руку Руариду.

– Может, увидимся. Приятно знать, что ты рядом, – одновременно он повернулся и протянул левую руку Флоре, словно пришвартовав обоих к себе. Он легонько сжал её пальцы. – Береги себя. Будет время, свяжи шарф и мне – в северных морях я буду ему очень рад.

Взяв под козырёк, он вновь развернул машину и умчал прочь, оставив Флору и Руарида прощаться.

Проводив брата, Флора всё смотрела ему вслед, дожидаясь, когда его лодка доберется до «Машоны», после чего повернулась и побрела обратно. Ветер усилился, похолодало, и, глубже зарывшись в складки свитера, она медленно шла в сторону домика смотрителя. Дойдя до маленького кладбища, распахнула ворота, прошла мимо потрёпанного ветрами тиса, мимо гранитных надгробий к тому, что стояло недалеко от холма. Опустилась на колени среди пушистых головок хлопка, плотным ковром укрывших могилу.

– Привет, мам, – сказала она. – Руарид сегодня приходил домой. Выглядит хорошо. Вечером отплывает на большом корабле на север.

С этими словами Флора сняла с гранитной плиты клочок мха, провела кончиками пальцев по резным буквам имён матери и сестрёнки, погибших, когда Флоре было два года.

– Алек тоже вернулся, – поколебавшись, пробормотала она. И, прежде чем уйти, шепнула: – Береги их.

И ветер подхватил её слова, понёс к темнеющим волнам моря.

Лекси, 1978

Дейзи нравится на кладбище. Мох – такой мягкий под её локтями и коленями; она ползёт по нему, пушистый хлопок щекочет ей нос, она чихает. Я пытаюсь казаться как можно серьёзнее, обсуждая с каменщиком, какую надпись выбить на надгробии.

– Думаю, просто «Флора Гордон» и даты.

– Не хотите что-нибудь добавить? «Любимая мать и бабушка», например? Или «Ты ушла, но всегда с нами»?

У меня едва хватает денег на необходимый минимум, а плата взимается за каждую букву, так что я вежливо отказываюсь. Работники похоронной службы уже организовали установку урны с прахом рядом с могилами маминых родителей. Её камень будет рядом с тем, на котором три имени – Йен, Исла и Сеонаид – мои дедушка, бабушка и тётя, не дожившая даже до возраста Дейзи. Эта мысль наполняет меня ужасом.

Каменщик показывает мне шрифты, я выбираю тот, что больше всего похож на шрифт на надгробии маминых родителей. Потом он пишет мамино имя и годы жизни в тетради и уходит, на прощание помахав Дейзи, которая не обращает на него никакого внимания, поскольку пытается встать, держась за гранитный камень. Её ноги разъезжаются, она шлёпается на землю, но подгузник смягчает падение, так что она, тихонько бормоча себе под нос, ползёт дальше, движимая желанием исследовать окрестности.

Я подхожу, поднимаю её с мокрой земли. Она изумлённо таращится на ангела, искусно вырезанного из камня и охраняющего покой Маккензи-Грантов.

– Это твой дедушка, видишь? – говорю я ей.

Я кончиками пальцев провожу по буквам имени отца – почти такого же, как моё – и вспоминаю, как в детстве мы с мамой каждое летнее воскресенье приносили сюда букетики диких цветов. Она всегда брала один – колокольчик, или гвоздику, или белую маргаритку – «воловий глаз» – и клала у ног ангела.

Сегодня наконец-то ясный, погожий день, и возможность наконец-то выбраться из дома – большое облегчение. Мы с Дейзи едва не спятили, просидев взаперти целую неделю из-за дождя, непрерывно лившего в окна домика зрителя. Чтобы не терять времени зря, я разбираюсь с вещами. Достала с чердака кровать и собрала, так что теперь нам обоим стало гораздо удобнее спать. Завернула в газетную бумагу мамины украшения и убрала в коробки, подальше от любопытных пальчиков. Разобрала свои собственные вещи, чтобы не слишком захламлять домик. Чердак, конечно, забила, но хоть коробки теперь стали не на виду. Сортировка, распаковка, переупаковка и транспортировка этих коробок утомили меня так, что я чувствовала себя старой и пыльной, как доски чердачного пола. У меня и сейчас болят все мышцы после долгой поездки и перетаскивания вещей с чердака и на чердак. Но физическая боль не сравнится с болью пустоты, которую я чувствую и которая эхом отзывается во всём теле, пронизывая меня до костей.

Стоя на склоне холма, я глубоко вдыхаю воздух, несущий запахи водорослей и торфа и, откинув голову, любуюсь полётом орла, который, широко раскинув крылья, описывает над нами круги. Он летит так низко, что я вижу изгиб его клюва и белые отметины под крыльями. Я инстинктивно прижимаю Дейзи к себе, беру на руки, показываю ей на птицу, и мы смотрим, как она улетает к озеру.

Дейзи указывает пухлым пальчиком на воду и говорит:

– О2тка!

– Да, умничка. Это лодка, – соглашаюсь я и думаю, а не Дэйви ли она. Лобстеры, которых он нам принёс, были изумительны. Может быть, стоило прогуляться на пристань и оставить

ему записку с просьбой наловить нам ещё. Я так и не вспомнила, кто он такой, но у меня явное чувство, что где-то я его видела. Может, в следующий раз решусь и спрошу его напрямую.

Флора, 1939

– Налейте в кастрюлю воды, девочки, и поставьте её на плиту.

Миссис Кармайкл была в своей стихии, носилась по залу и командовала своими войсками. Женский сельский институт всюду готовился встречать автобус с эвакуированными детьми, направлявшимися из Клайдсайда. У некоторых из детей в Лох-Ю имелись родственники, у которых они, естественно, потом оставались, а других, согласно плану правительства, просто эвакуировали в сельские районы, подальше от городов. Верфи Глазго неизбежно должны были стать мишенью для немецких бомбардировок, и родителям надлежало действовать немедленно, до того, как начнутся атаки.

Каблуки Мойры Кармайкл деловито постукивали по половицам. Она носилась туда-сюда, сверяясь с папкой-планшетом и отдавая распоряжения своей помощнице Марджори Грейг, жене местного врача и, по мнению миссис Кармайкл, одной из немногих женщин, на кого можно положиться в кризисной ситуации. Дверь распахнулась, впуслав порыв ветра с моря.

– А, вот и ты, Майри. Молоко от папиных коров? Спасибо, милая. Отнеси, пожалуйста, в кухню, – попросила миссис Кармайкл, сделала пометку в списке и вернулась в кухню, где Флора и Бриди возились с длинным столом на колёсах.

– Этот стол тащите сюда! Нет, не так, пусть стоят конец к концу. А потом, пожалуйста, расставьте стулья, – она метнулась к двери, чтобы проверить запасы дополнительных пайков, выгружаемых из фургона.

– В этих туфлях она цокает как лошадь, – хихикнув, шепнула Бриди.

– Тихо, Бриди, ты же знаешь, что у неё слух как у дикой кошки, – Флора и сама не могла сдержать смех. Стук каблуков миссис Кармайкл и впрямь походил на топанье низенького и крепкого хайлендского пони, на котором отец Флоры привозил с холма туши убитых оленей.

Наконец всё было готово, и на плите кипела большая кастрюля картошки. Миссис Кармайкл раздала последние указания.

– Так, леди, вам всё понятно? Каждому ребёнку по тарелке супа, потом, когда доедят, вы двое разложите мясо с картошкой – по большому половнику – в те же тарелки, из которых они ели суп. Маргарет, ты раздашь молоко, масло и хлеб. Каждому по одному кусочку, не забывай, а то на всех не хватит. Марджори и Джин, вы будете раздавать принимающим родственникам посылки от Красного Креста. Вот список: две банки молока, одна – вяленого мяса, одна плитка шоколада и две упаковки печенья на ребёнка. Я буду стоять у двери и следить, чтобы все дети попали к кому надо. Девочки, – обратилась она, поворачиваясь к Флоре, Майри и Бриди, – вы будете мне помогать. Конечно, когда они приедут, начнётся суматоха, и мне понадобится кто-то, кто быстро бегает. Да, ещё поможете им умыться и вымыть руки. Бог знает, в каком виде они сюда придут.

Внезапно поток её распоряжений прервал громкий шум в зале.

– Что, ради всего святого... – миссис Кармайкл выбежала за дверь, за ней последовали остальные дамы. Отряд солдат таскал из кузова грузовика листы гофрированного железа и выгружал в дальний конец зала.

– Сержант, что вы, по-вашему, делаете? Вы не знаете, что детей привезут с минуты на минуту?

– Простите, мэм, просто выполняем приказы, – бодро ответил сержант и жизнерадостно улыбнулся миссис Кармайкл, очевидно, ни капли её не испугавшись.

– Ну и зачем вы сваливаете сюда весь этот металл? У вас целый лагерь в Меллон Чарльз. Что, места полнее не нашлось?

– Мы его не сваливаем, мэм. Мы будем обивать им новую пристройку. К залу.

– Пристройку? Я не слышала ни о какой пристройке! Кто дал вам такое распоряжение?

– Командир лагеря, мэм. Военно-морской флот Её Величества обозначил эту гавань в порту А как плацдарм наступления, на всякий случай, мало ли что, – он махнул рукой в сторону озера, где кораблей с каждым днём становилось всё больше.

– Ну, знаете! Кто-то должен был нам сказать. Мы собираемся приютить тридцать детей из Клайдсайда, а теперь Лох-Ю станет такой же целью для вражеских войск? Нельзя просто вот так взять и объявить деревню портом. Здесь, представьте себе, живут люди!

– Я понимаю, мэм. Но этот вопрос вам придётся обсудить с мистером Черчиллем. Он отдал приказ.

На секунду воцарилась тишина – по-видимому, Мойра Кармайкл задумалась, готова ли она спорить с первым лордом Адмиралтейства. Она тяжело вздохнула.

– Ну хорошо, надо так надо. Нам остаётся только смириться. В конце концов, идёт война. Сержант отдал честь и вновь повернулся к солдатам.

– Ребята справа, давайте-ка поживее. Надо всё разгрузить, пока не приехали детишки.

Миссис Кармайкл развернулась на каблуках и развела руками, давая женщинам Сельского института понять, что надо идти обратно. А потом сказала Флоре, Майри и Бриди:

– Пока мы ждём автобус, заварите-ка чай и угостите их. Думаю, после работы они не откажутся от чашечки.

Ставя жестяные кружки на поднос, Бриди рассуждала по поводу пристройки:

– Вы же понимаете, что это значит, да? Больше солдат и матросов! Может, будут танцы! Только представьте!

– Бриди Макдональд! – раздался голос миссис Кармайкл, и Бриди аж подпрыгнула, едва не выронив поднос. – Поменьше фантазий и побольше дела тебе не повредят!

– Боже, Флора, ты была права, – прошептала Бриди. – У неё и впрямь слух как у дикой кошки!

\$

Автобус приехал два часа спустя, выгрузил уставших, измученных долгим путешествием пассажиров. Извилистые дороги как следует их укачали. Первыми выбрались водитель и женщины, сопровождавшие детей, с облегчением вдохнули свежий воздух Западного побережья. День выдался долгим, начался рано, и бесконечные часы в душном автобусе, пропахшем потной шерстью свитеров и рвотой, неизбежным следствием перевозки тридцати детей на грани нервного возбуждения, бесконечная тряска по холмам и озёрным берегам – всё это стало настоящей пыткой.

Миссис Кармайкл хлопнула в ладоши.

– Ну, за дело, дамы! – призвала она, сама рванула вперёд, сжимая папку-планшет, и повела детей в зал, по пути изучая коричневые ярлычки, приколотые к их курткам, и отмечая галочками имена. Она наклонилась поближе, и её ноздри раздулись.

– Флора! Майри! Бриди! – крикнула она. – Возьмите детей и как следует отмойте им лица и руки, прежде чем они рассядутся. Горячей водой! И не жалейте мыла!

Флора улыbnулась двум маленьким мальчикам, которых повела к раковине. Старшему было лет восемь, а младший казался совсем малышом – года три или четыре. Растрёпанные волосы свисали им на уши. Колени, торчащие из-под коротких вытертых до блеска штанишек, были все в синяках и ссадинах. Она помогла им подтянуть потёртые манжеты курточек и окунуть руки в таз с тёплой мыльной водой. Вытерла фланелевым полотенцем засохшие корки грязи с щёк и носов, потом бережно протёрла маленькие руки, стараясь не слишком тереть покрасневшую, нездорового вида, обмороженную кожу.

– Ну вот, теперь как новенькие! Давайте-ка садитесь за стол и как следует поешьте.

– Спасибо, мисс, – сказал старший. – Вы теперь наша новая мама?

Сердце Флоры сжалось от жалости к двум оборванцам. Она покачала головой.

– Боюсь, что вас поселят не ко мне, – ответила она. – К какой-нибудь другой леди. В нашем домике мало места.

Прочитав имена на ярлычках, она продолжила:

– Стюарт и Дэвид, всё будет хорошо, не волнуйтесь. Идите за стол, вам дадут суп, а потом мясо с картошкой. Вы, конечно, проголодались после долгого пути. А потом леди, у которой вы будете жить, отведёт вас в новый дом.

Потом она занялась другими детьми, но не могла не заметить, что мальчики наблюдают за ней – две пары круглых серо-голубых глаз внимательно смотрели из-за кружек молока.

Когда суп и горячее были съедены, а тарелки вымыты, дети стали расходиться по двое – трое, отдавать мешки с вещами и коробки с пайками в руки принимающим семьям. Миссис Кармайкл продолжала руководить, стоя у порога, пока зал наконец не опустел, если не считать двух маленьких мальчиков, так и оставшихся сидеть за столом. Младший, Дэвид, заснул, прильнув к плечу брата, измученный долгим путешествием из дома в это странное новое место. Заканчивая вытирать чашки и тарелки, Флора заметила, что Стюарт, присматривая за младшим братом, вместе с тем настроенно следил за происходящим в зале.

Наконец Мойра Кармайкл покинула свой пост и поспешила убедиться, что всё убрано должным образом.

– Закончили? Молодцы, девочки.

– А как быть с этими двумя? – Флора неуверенно кивнула в сторону несчастной пары за столом.

– За них не волнуйся, – сказала миссис Кармайкл. Флора знала, что у неё, несмотря на всё её бахвальство, золотое сердце, и под её внешней суровостью скрывается настоящая доброта. – Стюарт и Дэвид пойдут со мной. Неужели вы думали, что я откажусь исполнять свой долг, когда в моём доме пустуют комнаты сыновей? Так, мальчики, собирайте свои вещи. Пора домой.

Флора ободряюще улыбнулась мальчишкам, когда они, идя по пятам миссис Кармайкл, как потрёпанные утята, обернулись и посмотрели на неё. Бодро взмахнув полотенцем, она сказала:

– Пока, ребята. Увидимся.

Стюарт обвил рукой плечи брата, ведя его навстречу их первой ночи в чужой спальне в незнакомом доме. И сердце Флоры вновь сжалось, когда она вспомнила, как Алек и Руарид в точности так же обнимали друг друга на футбольном поле или замышляя очередное приключение в логове среди деревьев: тоже боевые братья.

Лекси, 1978

Когда позволяет погода, мы с Дейзи любим пройтись пешком до пристани. Вернее, иду я, а Дейзи сидит у меня на плечах и командует, в каком направлении двигаться. Посмотреть всегда есть на что. Ей нравится наблюдать за овцами в поле: она вся выгибается, чтобы, заглянув за полуцилиндр пристройки, приделанной к зданию в годы войны и обитой гофрированным железом, увидеть, как стадо неспешно щиплет траву.

– Весной будут ягнята, – говорю я.

– Гня, – одобрительно отвечает она. Её речь развивается не по дням, а по часам.

Когда мы только что сюда приехали, мы бродили по более глухим местам – по дороге от домика смотрителя среди сосен к поместью Ардтуат. «Большой дом», как его называли местные жители, сейчас почти всегда закрыт – разве что кто-нибудь приезжает по выходным поохотиться или порыбачить. Но в фасаде заброшенного, покинутого дома с мрачными тёмными окнами есть что-то такое, отчего мне захотелось поискать для прогулок места повеселее. Настроение у меня прескверное и без подобных усилителей. Так что мы стали выбирать в сторону деревни – риск на кого-нибудь наткнуться показался мне меньшим злом, чем риск погрузиться в полное и беспросветное отчаяние.

Мы проходим мимо домиков, и мне приходится отвечать на вопросы местных жителей, которые пропальвают клумбы или подстригают живую изгородь в палисадниках. Дейзи, в отличие от меня, наслаждается их вниманием.

Я киваю и улыбаюсь, стараясь удачно обменяться любезностями. Да, она растёт с каждым днём. Да, спасибо, мы отлично устроились. Да, сегодня просто замечательный день для прогулки.

Я искренне надеюсь, что моя улыбка достаточно убедительна, чтобы спрятать за ней отчаяние одиночества. Я понимаю, что нужно ценить их каждодневные приветствия, но чем дальше, тем сильнее чувствую себя изгоем.

Бриди Макдональд жаждет общения почти всегда. Иногда она возится в саду, но обычно сидит дома и, когда мы проходим мимо, колотит в стекло, чтобы мы подошли, и открывает его, как и сегодня.

– Доброе утро, Лекси. И Дейзи – вы только гляньте на эти розовые щёчки! Какие вы молодцы, что дышите свежим воздухом. Детишкам куда лучше тут, чем в городе, да, Дейзи? Я как раз хотела сходить за молоком, так что составлю вам компанию. Сейчас, подождите, только сумочку возьму.

Я тихо вздыхаю, понимая, что путь будет долгим, потому что ей нужно задать мне множество вопросов обо всём на свете, от состояния домика смотрителя до того, где отец Дейзи (у Бриди Макдональд нет ни малейшего представления о личных границах). Я понимаю и то, что эта попытка будет то и дело прерываться, потому что, стоит ей встретить ещё кого-нибудь, начнется долгий обмен местными новостями. Вы слышали, Марджори на следующей неделе оперируют? Да ужас, как затянули. И как назло, в Пулу дорогу чинят. Будут пробки, так что, если туда собрались, рассчитайте время как следует. Неужто Йен спустил лодку на воду? И сегодня уже уплыл? За гребешками, нет? Скажите, если наловит, я возьму штучек шесть. Вы же знаете Лекси Гордон, верно? Да, она вернулась домой – наконец-то на своём месте. А это малютка Дейзи – ну разве она не прелесть?

В том, как Бриди всё это говорит, есть что-то собственническое. Я чувствую, как слегка ощетиниваюсь, и напоминаю себе, что она была одной из самых старых маминых подруг, душой компании. Это нормально, и она ничего плохого не имеет в виду. Но всё же, несмотря на мою ответную улыбку, я внутренне отгораживаюсь стеной, за которую никому нет хода.

Мы идем дальше по дороге, ведущей к заливу.

– Так что, Лекси, скоро к вам приедет папа Дейзи?

– Нет, – отвечаю я. – У него в Лондоне много работы.

Уж хоть это я могу сказать честно.

– Ох, как жалко. Вы, конечно, без него скучаете.

Её взгляд вновь притягивают пальцы моей левой руки, на которых нет ни одного кольца, ни помолвочного, ни обручального. Я решаю прояснить ситуацию. По крайней мере, так я положу конец расспросам Бриди.

– Если честно, мы больше не вместе. Оказалось, что он не готов к семье. Мы расстались ещё до того, как родилась Дейзи.

Какое-то время Бриди молчит, переваривая новость. Я готовлюсь к новым вопросам, но она говорит лишь:

– Очень жаль слышать. Трудно растить малышку одной. Бедная Флора, конечно, хорошо это знала.

Уловив долгожданный момент, я наконец задаю Бриди свой собственный вопрос.

– Вот что я давно хочу узнать, – говорю я. – Вы, конечно, помните годы войны и то, как познакомились мои родители. Всё, что было. Мама никогда не рассказывала об отце. Я знаю, что папа служил на военно-морском флоте и погиб на войне, но на этом всё. Есть ещё фото на каминной полке и могильная плита, но сами понимаете, этого мало. Вы не могли бы мне что-нибудь о нем рассказать, Бриди?

Она молчит. Может быть, мне так кажется, но выражение её лица, обычно открытое, теперь сменяется замкнутым. Я замечаю мимолётную настороженность в её взгляде, который она переводит на холмы над заливом. Что-то в нём напоминает взгляд мамы, когда я задавала ей вопросы об отце. Но она собирается с мыслями.

– Конечно, милая. Как-нибудь приходи ко мне с Дейзи, выпьем чаю, поболтаем. Я буду рада рассказать тебе об Алеке и Флоре. Они были такой чудесной парой! Ой, а вот и пристань – вы с Дейзи ведь хотели посмотреть на лодки, да? А мне пора.

Я смотрю, как она идёт к магазину. Оглядывается, машет нам рукой и скрывается за дверь.

Это игра воображения, или, когда я попросила её рассказать мне о моих родителях, она в самом деле уж слишком тщательно подбирала слова? Её напряжения – и повисшего перед этим неловкого молчания – оказалось достаточно, чтобы я насторожилась. С моим прошлым что-то не так?

Сложно сказать точно, но как бы это ни было странно, я уверена – Бриди Макдональд мне чего-то не расскажет.

Флора, 1939

Корабли военно-морского флота в Лох-Ю прибывали и убывали по мере того, как приближалась зима. Струйки торфяного дыма поднимались из труб маленьких белых домиков, выстроенных вдоль берега. И знакомый мягкий запах смешивался с резким запахом мазута от танкеров, пополнивших серые глыбы на воде.

Было ясное тихое утро. Хотя декабрьское солнце висело в небе очень низко, ему все же удалось на несколько драгоценных часов залить озеро светом. Флора старалась взять от хорошей погоды как можно больше, активно трудясь на участке сада возле домика смотрителя. Вилы легко входили в тёмную почву. Несколько поколений Гордонов обрабатывали её и обогащали морскими водорослями с берега и старым навозом из конюшен, и земля в ответ обеспечивала их хорошим запасом овощей. Флора выкапывала картофелины и складывала их, покрытые порошком черного суглинка, в ведро. Они грохотали о жестяные стенки ведра, быстро наполняя его. Потом Флора отнесла ведро в сарай за домом и вывалила в большой деревянный ящик, где урожай будет храниться всю зиму. Руарид предлагал переделать сарай в убежище Андерсона, как это сделали некоторые другие фермеры на случай воздушных налетов, но отец только пожал плечами и сказал, что не стоит возиться. В тот тихий зимний день, глядя на серую гладь воды, Флора с ним согласилась. Казалось, что война ещё очень далеко. В конце концов, поскольку именно залив Лох-Ю находился в таком уединённом месте, его и выбрали в качестве мирной гавани.²

Выкопав грядку, Флора выпрямилась, потянулась, откинула со лба прядь волос. По дороге шли два маленьких мальчика, и когда они приблизились, она им помахала.

– Привет! Это вы, Стюарт и Дэвид? Как поживаете?

Одежда на них была на размер, а то и два больше – рукава рубашек закатаны, шорты свисали ниже колен на тощих ножках, обтянутых толстыми шерстяными чулками. Мойра Кармайкл, по-видимому, одела их в старые вещи своих сыновей. Вещи плохо сидели, зато были хорошего качества и намного теплее отрепьев, в которых мальчики приехали из Глазго.

Две пары круглых серо-голубых глаз серьезно посмотрели на нее.

– Здравствуйте, мисс, – сказал Стюарт, старший из двоих. – Нам велели пойти погулять и перестать надоедать миссис Кармайкл.

Флора улыбнулась в ответ на эту дословно повторённую фразу.

– Что ж, день самый подходящий. Не поможете выкопать картошку? А я угощу вас молоком и, может быть, найду для вас пару лепёшек.

Две головы кивнули, и мальчишки направились туда, где стояла Флора.

– Ты умеешь управляться с вилами, Стюарт? Копай вот так, видишь? И поворачивай, а мы с Дэвидом будем собирать картошку в ведро.

Она не смогла сдержать улыбки при виде их изумления, когда Стюарт насадил на вилы сразу несколько картофелин.

– Подними их наверх, вот и всё. И не стряхивай землю, так они лучше удержатся.

С такими помощниками она быстро справилась. Щёки мальчишек покраснелись от усилий и свежести морского воздуха. Несколько картофелин и пару брюкв Флора отнесла на кухню, чтобы сварить и подать на стол с олениной, которая медленно тушилась на плите к приходу отца.

Она проводила мальчиков в домик.

– Ботинки оставьте у двери. И как следует смойте с рук грязь.

² Тип убежищ, сооружаемых в садах около жилых домов. Название получили в честь Джона Андерсона, министра внутренних дел Великобритании (1939–1940), которому приписывают их разработку.

Сев за кухонный стол, мальчишки немного расслабились. Она поставила перед ними чашки с молоком.

– Заслужили, – сказала она, густо смазав овсяные лепёшки маслом и ежевичным вареньем и протягивая мальчишкам. Стюарт откусил лепёшку и запил молоком.

– Ммм, как вкусно! Наша мама иногда пекла лепёшки. А миссис Кармайкл кормит нас хлебом с салом.

– Вы хорошо устроились? Для вас, наверное, такое событие – уехать из города.

– Дэйви не любит темноту. Дом ужасно большой, а по ночам бывает шумно. Но зато тут хорошая школа. Мы все в одном классе, поэтому я могу присматривать за ним и следить за тем, чтобы другие мальчишки его не обижали.

– Они вас обижают? – забеспокоилась Флора.

– Да нет, не особо. В старой школе было хуже. Но проще было прогулять, потому что никто особо не обращал на это внимания. Однажды мы и тут пытались удрать с уроков, но мистер Кармайкл расклеивал объявления о том, что делать, если сработают сирены воздушной тревоги, и он увидел, как мы ловим рыбу у пристани, и нам влетело. Пришлось вернуться в школу и извиниться перед мисс Андерсон.

Пытаясь сохранить невозмутимое выражение лица, Флора сказала:

– Ну, в школу ходить надо. Мой брат тоже больше любил рыбалку, но знал, что рыбачить нужно в свободное время, по выходным и праздникам.

– А где сейчас ваш брат, мисс?

– Он во флоте. На одном из этих больших кораблей, – отвечала она, на самом деле не имея никакого понятия о том, где сейчас Руарид. Она надеялась, что он благополучно пришвартовался, и старалась не думать о том, как он патрулирует враждебные северные воды, в глубине которых скрывались невидимые подводные лодки.

– Я тоже хочу пойти на флот, когда вырасту, – сказал Стюарт. – И Дэйви хочет. Мы будем на одном корабле.

– Очень может быть. Если вы, конечно, будете учиться. Нужно много всего знать и уметь, чтобы служить во флоте.

Она отрезала им ещё по кусочку лепёшки и вновь наполнила чашки молоком, вспоминая, как Руарид и Алек в детские годы точно так же сидели за столом и жадно поглощали еду, прежде чем вновь рвануть навстречу приключениям дня. Она как раз тянулась к горшку с вареньем, когда раздался грохот, и все трое повернулись к окну.

– Что это было? – спросил ошарашенный Дэйви, наконец совладав с голосом.

– Это бомба, мисс? Немцы наступают?

Флора взглянула на залив, но не увидела признаков взрыва. Но пока она смотрела, над островом поднялось облако тёмного дыма, и несколько кораблей изменили курс, направившись в сторону устья озера.

– Не думаю. Но что-то происходит. Не бойтесь, – добавила она, увидев испуганное выражение лица Дэйви. – Мы под защитой куда более надёжной, чем все остальные. Флот будет нас искать. Давайте-ка обувайтесь и пойдём посмотрим, что там случилось. Лепёшки можете взять с собой и доесть по дороге. Только не перебейте аппетит, а то достанется мне от миссис Кармайкл!

Вокруг залива развернулась бурная деятельность, но понять, что происходит, казалось невозможным. Основное внимание, судя по всему, было сосредоточено на точке за устьем озера, скрытой за островом. Флора и мальчишки пошли к пристани, а мимо них в том же направлении промчались несколько военных машин.

У пристани собралась небольшая толпа. Флора заметила Бриди и Майри.

– Что стряслось? – спросила она.

– Говорят, «Нельсон» подорвался на mine.

Флору бросило в дрожь. Корабль Алека.

– И затонул?

– Не думаю, – пожала плечами Бриди. – Но в нём пробоина. Понадобится время, чтобы его починить.

Флора побледнела, увидев, как по дороге от лагеря несётся целая вереница машин скорой помощи. Машины остановились в конце пристани, из них выскочили несколько человек в униформе, которые стали бросать в ожидавшую лодку чемоданы с медикаментами и оборудование. Потом сошли в лодку по лестнице у стены гавани, расселись, и лодка помчалась в залив.

– Видимо, всё плохо, – нахмурилась Майри. Флора в отчаянии заламывала руки, не зная, что делать, не зная, может ли Алек оказаться среди раненых.

– Расступитесь! Расходитесь по домам! Все, кто не имеет отношения к флоту, немедленно покиньте эту территорию! – мистер Кармайкл уверенными шагами шёл вперёд, и шлем ПВО подчёркивал его важность. Неожиданно он заметил двух мальчишек, переминавшихся с ноги на ногу, взволнованных драмой на воде. – Стюарт и Дэвид Лавроки, вы что тут делаете? – взревел он. – Идите домой сейчас же!

Флора сочувственно улыбнулась им и кивнула.

– Лучше вам и правда идти домой. Миссис Кармайкл будет волноваться. И скоро обед, – напомнила она и повела их в дом возле пристани.

Потом они с Майри и Бриди дошли до дома Макдональдов, постояли у ворот, глядя на озеро. Ужасно медленно, тяжело наклоняясь в сторону, в поле их зрения показался «Нельсон» в окружении двух эсминцев, направлявшийся к гавани.

– Знаете, надо и нам вступить в ряды армии, – сказала Бриди. – Я тут общалась с одним моряком, он сказал, что они как раз набирают девушек. Им сейчас очень нужны водители.

– Но мы же не умеем водить, – заметила Флора. Бриди сердито отмахнулась.

– Научимся. И там наверняка требуется ещё много чего, что мы умеем.

Майри кивнула:

– Она права. В конце концов, нельзя же просто сидеть и смотреть, как у нас под носом взрываются корабли.

Флора подумала о машинах скорой помощи, которые неслись к пристани. Если Руариду или Алеку понадобится помощь, она может первой её оказать. Её сердце вновь подпрыгнуло, и она взмолилась про себя, чтобы Алека не оказалось в числе пострадавших на судне, ползущем к берегу. Мысль о раненых решила всё.

– Хорошо. Давайте сегодня этим и займёмся. Зайдите за мной после обеда, сходим в лагерь и спросим.

Лекси, 1978

Всё свободное место в маминой гостиной заставлено фотографиями в рамках. До нашего урагана «Дейзи» их компанию разбавляли стада фарфоровых животных и отряды стеклянных безделушек, но теперь они, упакованные, лежат в надёжном месте. Дейзи овладела искусством невероятно быстро ползать по-пластунски и способностью подниматься на ноги, если есть за что держаться, так что всё ценное и хрупкое было переставлено с нижних полок и чайного столика повыше и подальше от её деловитых пальцев.

Я оставила лишь одну фарфоровую фигурку – крошечную белую лошадку, которую мама особенно любила. Беру её в руки и нежно глажу указательным пальцем длинную гриву, прежде чем спрятать лошадку между двумя рамками.

На многих фотографиях я, на разных этапах развития – сначала своего собственного, а потом моей сценической карьеры. Я показываю их Дейзи, и она вежливо их разглядывает.

– Вот я с ведёрком и лопаткой на пляже у залива Слагган. Мы с тобой как-нибудь устроим там пикник, да? А вот твоя мамочка на школьном концерте, поёт соло. Одно из моих первых сценических выступлений. Это, похоже, «Карусель» – тут я в роли Луизы Бигеллоу. А это твои мама и бабушка в Лондоне, видишь?

– Мама? – спрашивает Дейзи, указывая на фото.

– Да, правильно. Это мама. А это твоя бабушка, Флора, – поразительно, но мы могли бы сойти за сестёр. На этом фото мама кажется такой юной. У нас обеих золотисто-рыжие волосы, её, чуть выгоревшие, заплетены в аккуратную косу, мои рассыпаны по плечам. Мы стоим у Королевского театра на Друри-лейн, позируем у афиши постановки Пирса «Кордебалет», где я только что получила роль. Если приглядеться, можно разобрать моё имя, на которое указывает мама. Моё сценическое, лондонское имя. Уроки танцев меня убивают – в те месяцы у меня так болели ноги. Но оно стоило той боли. Моя карьера шла вверх. Мне давали большие роли, мой репертуар расширялся.

На этой фотографии я вся свечусь. Моя радость, конечно, связана с новой постановкой. Связана с тем, что мама приехала в гости, а я всегда обожала показывать ей Лондон, делиться подробностями своей новой жизни, которая была в тысяче миль – в прямом и переносном смысле – от домика зрителя на побережье Лох-Ю. Но больше всего я была счастлива из-за того, что совсем недавно встретила Пирса.

Глядя на собственное лицо на фотографии, я чувствую жалость к этой девочке, которой когда-то была. Она чувствовала себя особенной, неповторимой, выбранной из множества других певиц и актрис. Она понятия не имела, как больно ей будет падать.

Шоу стало хитом. На первые заработанные деньги я купила великолепную замшевую куртку, о которой так мечтала, каждый день по дороге на работу заглядываясь на неё в окне бутика. Надев её, я ощутила себя настоящей звездой. Человеком, который добился успеха, который сбросил, как старую одежду, свой прежний образ и стал кем-то совершенно другим. А теперь она висит в шкафу, совершенно бесполезная и совершенно неподходящая для этого места, мягкая, грязная, отслужившая своё, как её владелица. По-хорошему надо бы сдать её в химчистку, но для этого придётся потратить день на поездку в Инвернесс и ещё один на то, чтобы её забрать; мысли о том, сколько понадобится бензина, денег и усилий, чтобы затолкать Дейзи в машину, вынуждают отказаться от этой затеи.

Я вздыхаю и ставлю фото на место, на буфет. Дейзи ёрзает у меня на руках, словно чувствуя, что моё настроение упало. Беру другое – на нём мама в тёмной униформе Ренов. Строгость этой формы резко контрастирует с непринуждённой позой: мама прислонилась к капоту военного джипа, её волосы развеваются на ветру. Полагаю, на фото ей лет двадцать. Но больше всего меня изумляет выражение её глаз. Как и мои на предыдущей фотографии, они сияют,

излучают чистейшую радость, когда она смотрит на того, кто делает снимок. Я тяжело сглатываю, слёзы вот-вот закапают на золотистые кудри Дейзи. Мама выглядит такой беззаботной, хотя это были годы войны, тяжёлые времена. Я почти уверена, что её фотографировал мой отец, хотя я так мало о нем знаю. Я вспоминаю недавний разговор с Бриди Макдональд и снова задаюсь вопросом, какой секрет она так не хочет мне раскрывать. В следующий раз, проходя мимо её дома, я зайду и выпытаю у неё этот секрет. Ведь это моя история, история моих родителей.³

Я обвожу кончиком пальца лицо матери, контур её улыбки.

Да, я думаю, по ту сторону камеры – мой отец. И я понимаю, как сильно она его любила. Вряд ли кто-то другой мог вызвать у неё такую улыбку.

³ WRNS (Women's Royal Naval Service) — женское подразделение королевских военно-морских сил Великобритании

Флора, 1939

– Аккуратно сними ногу со сцепления и одновременно нажми на педаль акселератора другой ногой.

Грузовик накренился вперёд, повалив две бочки с маслом, поставленные, чтобы отметить курс движения.

– Ой, простите, – жизнерадостно пропела Бриди.

Лейтенант на пассажирском сиденье глубоко вздохнул и схватился за ручной тормоз, чтобы остановить машину, прежде чем юная водительница нанесёт ей ещё больший ущерб.

– Эта работа должна оплачиваться как опасная, – проворчал он. – По мне, так учить вас, девчонок, водить грузовик – куда хуже, чем управлять кораблём в восьмibalльный шторм.

Сзади Флора и Майри цеплялись за край скамейки и старались справиться со смехом и волнением.

– Хорошо, давай заново. Вспомни, как это сделали твои подруги. Медленно и аккуратно. Я сказал, МЕДЛЕННО!

На этот раз, громко заревев, грузовик рванул к сборным баракам у края плаца и свернул как раз вовремя, чтобы не задавить коменданта лагеря, который вышел понаблюдать за происходящим.

– Ой, кажется, я разобралась с этой штукой с двойным выключением сцепления, – высказалась Бриди, перекрикивая рёв мотора, и наступила обеими ногами на педали. – Просто дайте мне ещё раз попробовать!

Лейтенант вновь вздохнул. Предстоял новый долгий день.

– Давайте сделаем перерыв, – сказал он и повернулся к Флоре и Майри. – Вы двое можете пойти и сообщить, что сдали, – заверил он, расписавшись в нижней части двух бланков и передал их девушкам. – Отдайте их офицеру за столом. Он сообщит вам, что делать дальше. А теперь, – сказал он, упираясь рукой в приборную панель и снова поворачиваясь к Бриди, – попробуем ещё раз...

В крошечной стальной палатке было темно, самодельный стол стоял у маленького окна, сквозь квадрат которого проникал зимний свет. Флоре и Майри потребовалось несколько минут, чтобы глаза привыкли к такому освещению. Девушки подошли к столу, протянули бланки дежурному за столом. Не сказав ни слова, он заполнил бланки и, лишь закончив, поднял глаза на девушек.

– Мисс Гордон, мисс Маклауд. Идите в восьмую палатку. Там вам выдадут униформу. Вам будут поручены водительские обязанности на повседневной основе и оказание первой помощи при необходимости. Добро пожаловать в Рены!

Выходя обратно на свет и моргая, Майри улыбнулась Флоре:

– Мы это сделали!

Они посмотрели на плац, где Бриди, кажется, успешно продвигалась вперёд, объезжая бочки с маслом и уже не разбрасывая их по сторонам.

– Похоже, скоро она к нам присоединится. А нам, видимо, сюда, – подметила Майри и указала на блестящие палатки у края маленькой бухты.

Услышав гудок, они обернулись. В лагерь въехала машина, и человек в униформе махал им рукой, чтобы привлечь их внимание.

– Алек! – воскликнула Флора, и её лицо засияло, как солнечный свет на воде.

Он выбежал из машины и рванул к ним, раскинув руки.

– Флора, Майри, вы теперь Рены? Какая чудесная новость! Я рад, что встретил вас, потому что мне тоже есть что вам рассказать. Меня распределили сюда, я помогаю сдавать порт в эксплуатацию. Ещё нам нужен хороший связист, и я предложил Руарида, потому что он

знает местность и залив как свои пять пальцев. Пока это ещё неясно, но я надеюсь, его сюда переведут.

Ощущение надежды нахлынуло с такой силой, что Флора не могла вымолвить ни слова. Алек улыбнулся ей.

– Это будет что-то! Мы все вновь соберёмся вместе, прямо как в старые добрые времена! Может, его даже отпустят домой на Рождество.

– Это будет настоящее чудо, – ответила Флора, наконец справившись с собой. – Если Руарид будет рядом. И ты тоже, Алекс. Какое же счастье, что вы не пострадали, когда подорвался «Нельсон»!

Её лицо, казалось, светилось на фоне серой воды и неба над ней. Алек разглядывал носки своих ботинок, внезапно смутившись и не ощущая обычной уверенности в себе. Потом поднял на неё глаза и сказал, набравшись смелости:

– На Хогманай в зале будут танцы. Вы придёте? Могу заехать за вами, если хотите.⁴

Флора замялась.

– Диана тоже придёт? – спросила она, надеясь, что её голос звучит непринуждённо и жизнерадостно. Алек вновь опустил взгляд, чуть покраснел и покачал головой.

– Увы, должен вам сообщить, что мисс Кингсли-Скотт разорвала нашу помолвку. Она встретила в Лондоне, видимо, кого-то получше простого младшего лейтенанта из захолустья.

Флора заправила выбившуюся светлую прядь обратно в косу.

– Мне очень жаль.

Слова были ложью – она ощутила острое облегчение и даже сама удивилась силе этого облегчения, но объяснила это себе тем, что Алек, конечно, заслужил более теплого отношения. Они с Майри переглянулись, и Майри кивнула.

– Танцы – это замечательно. Спасибо. И, Алекс... – Флора осеклась, подбирая слова; на неё вновь нахлынули чувства. – Спасибо, что предложил перевести сюда Руарида. Будет чудесно, если вы оба останетесь здесь, в безопасности.

Он отдал им честь, повернулся на каблуках и направился к своему командиру, лишь один раз обернувшись и через плечо взглянув на девушек, переходивших на другую сторону лагеря, чтобы забрать свою униформу.

\$

Зал быстро заполнялся – мужчины заходили в бар на пару пинт, шумно здоровались, хлопали товарищей по спине. Некоторые были знакомы Флоре по лагерю, но большинство – незнакомцы, тоже служившие на кораблях.

Алек, как всегда галантный, заехал за Флорой, Майри и Бриди и привёз их сюда, так что погода не испортила их тщательно уложенные причёски и как следует выглаженные юбки. Он принёс им стулья, заказал напитки, представил своим друзьям-офицерам. В дальнем конце зала начал готовиться небольшой оркестр, над шумом голосов зазвучали ноты скрипки.

Флора просияла, увидев брата, входившего в зал под руку с девушкой. Так вот где он пропадал! Должно быть, они пришли из гостиницы, где располагалась таверна, недавно получившая новое название «Банка варенья» и очень популярная у военно-морского персонала. Упомянутые банки из-под варенья были задействованы, когда в гостинице закончились стаканы, и солдаты с моряками, жаждавшие пива, стали вместо них подставлять всё, что попадалось под руку.

Руарид рассказал ей, что одному особенно предприимчивому младшему лейтенанту удалось уговорить мисс Кэмерон, почтальона, расстаться с большущей банкой из-под конфет,

⁴ Шотландский праздник последнего дня в году.

пустовавшей с тех пор, как сахар был нормирован. В банку входило несколько пинт пива – отличный вариант для того, кому не досталось другого сосуда!

Когда Руарид и его спутница приблизились, Алек не спеша поднялся и явно с достоинством пожал ему руку.

– Привет, Алек, Майри, Бриди, – Руарид кивнул девушкам. – Это Венди. А это моя сестра Флора. Венди тоже в рядах Ренов.

– Рада знакомству, – просияла Венди. – Я много о тебе слышала.

Флора задумалась, когда они нашли время для таких разговоров. Руарид в последнее время был очень занят на сигнальной станции на холме за фермой Турне, в любое время суток передавая информацию маневрировавшим кораблям.

– Венди – метеоролог, – пояснил он. – Она снимает показания приборов на сигнальной станции. Вот где мы и познакомились.

Флора улыбнулась. Теперь всё стало ясно. Заиграл оркестр, и Алек протянул руку Флоре.

– Не откажете мне в первом танце, мисс Гордон?

– Буду счастлива, лейтенант Маккензи-Грант, – согласилась Флора и рассмеялась, смущённая таким официозом.

Они вышли в середину зала, где уже кружились пары. Флора улыбнулась Майри и Бриди, танцевавшим с офицерами. Проследив за её взглядом, Алек наклонился к её уху и прошептал:

– Отлично! Теперь мне не придётся приглашать и их. Я хотел бы танцевать только с тобой.

Флора надеялась, что её щёки горят от жары и танцев в душном зале. В последнее время она слишком много думала об Алеке, высматривала его в лагере, привозя и отвозя пассажиров и надеясь, что однажды ей доведётся ехать с ним. Ей тоже не хотелось танцевать ни с кем другим. Он чуть крепче сжал её руку, и танец унёс их.

Шум стучал в обитую железом крышу зала; вечер заканчивался, наступала ночь. Музыка остановилась, стало слышно, как тикают стрелки часов, приближая новый год, и все начали громкий обратный отсчёт. А потом захлопали в ладоши, начали смеяться, обниматься, целоваться, и волынщик заиграл «Auld Lang Syne».⁵

– Хорошего Нового Года, – прошептала Флора Алеку.

Не говоря ни слова, он прижал ее к себе. Замерев в его объятиях среди ликующих голов на мгновение она представила, что они одни, что они оказались на острове тишины в бескрайнем море звуков.

– Вы только посмотрите! – заревел кто-то за дверью, и гости вывалились из шумного зала в морозную ночь. За берегом, в темноте озера, вспыхивали огни всех пришвартованных там кораблей. Это длилось недолго – они не могли рисковать выдать своё расположение даже в канун Нового года. Но зрелище было потрясающим. Руарид перевел их сообщение, хотя оно не нуждалось в расшифровке: «С Новым Годом».

Оркестр продолжил играть, и некоторые весельчаки вновь стали танцевать, не жалея ног. Остальные потихоньку начали расходиться.

– Хочешь побыть тут ещё? – спросил Алек Флору. Она покачала головой.

– Не могу. Я обещала папе вернуться. Я знаю, он будет ждать, так что лучше мне идти домой.

– Тогда вперёд, я тебя отвезу! Стану его первым гостем в новом году!

Флора рассмеялась.

– Он будет рад! Но у тебя нет ни пирога, ни виски, ни угля – так себе гость!⁶

⁵ Старинная шотландская баллада. Существует традиция исполнять её в новогоднюю ночь, а также когда приходит время прощаться.

⁶ Согласно народным шотландским поверьям, первый гость в новом году определяет, насколько счастливым для хозяев будет год. Удачу приносит темноволосый мужчина, который приносит с собой подарок: алкоголь, еду или топливо.

– По пути заедем ко мне и кое-что возьмём. Надо как следует подготовиться, чтобы принести удачу в домик зрителя. Вперёд!

Руарид, Бриди и Майри предпочли продолжить веселье, которое было ещё в разгаре, так что Флора и Алек сели в его машину и помчались по пустой дороге к поместью Ардтуат.

Несмотря на то, что ворота, ведущие в особняк, редко закрывались, они, величественные и суровые, показывали, что он – не чета белоснежным домикам по соседству. Высокие сосны обрамляли подъезд, заслоняя ночное небо своими тёмными вершинами, скрывая особняк от посторонних взглядов.

Подъезжая, Алек заглушил двигатель, взглянул на окна. Тёмные, они показались Флоре задумчивыми.

– Лучше не будить родителей, если они уже в постели, – прошептал он.

Они прокрались из окутанной прозрачным ночным воздухом прихожей в тепло огромной кухни. Услышав негромкую музыку, Алек прижал палец к губам и сделал Флоре знак следовать за ним. Ей было неловко идти в комнаты, неловко находиться рядом с ним и чувствовать, как меняются их отношения. Он просто излучал уверенность в себе, следуя по своему большому дому, а она чувствовала, что богато украшенные стены и тяжелая антикварная мебель давят на неё со всех сторон. Но она глубоко вздохнула и взяла себя в руки. Дверь из зелёного сукна захлопнулась за ней с мягким стуком.

Он толкнул дверь библиотеки, и мелодия «Ноктюрна» Дебюсси зазвучала громче. Мать Алека слушала граммофон, сидя в кресле у догорающего камина, скрестив руки на коленях и прислонившись к подголовнику кресла.

– Привет, мам, – тихо сказал Алек.

Она повернулась к ним, и её отстранённый – и печальный – взгляд при виде сына сменился радостным.

– Алек? И Флора с тобой, как чудесно!

– Счастливого Нового Года, леди Хелен, – сказала Флора, чувствуя, что вторглась в интимное пространство.

В свете камина она заметила несколько серебряных пряжей, блестящих в элегантной, как всегда, укладке леди Хелен. В её тёмных глазах читалось одиночество, и это удивило Флору. Разве ей могло быть одиноко теперь, когда её муж вернулся в поместье Ардтуат?

– И вам, милые. Как потанцевали?

– Было весело, спасибо, – вежливо ответила Флора.

– Папа уже в кровати? – спросил Алек. Мать кивнула.

– Он устал. Он был так занят в Лондоне с самого Рождества, заканчивал дела, – объяснила она и повернулась к Флоре. – Твой папа, конечно, знает, что мой муж решил остаться в Ардтуате – какое облегчение для всех нас! Лондон – большая мишень для немцев. И как хорошо, когда все мои мужчины рядом. Хоть какая-то радость в эти дни войны.

Алек подошёл к матери, наклонился и поцеловал её в щёку.

– Я везу Флору домой. Но мы подумали, будет хорошо заехать сюда, взять кусочек пирога, может быть, немного виски, и поздравить Йена.

– Отличная мысль. Пирог в кладовой, берите сколько нужно.

Пластинка доиграла, игла слабо потрескивала, и мать Алека потянулась, чтобы выключить ее. Сверху послышались тяжёлые шаги. Услышав этот звук, леди Хелен на мгновение застыла. Затем поднялась и тихо сказала:

– Не беспокой отца, Алек. Ты знаешь, каким он может быть. Да и мне пора в кровать. Спокойной ночи, Флора.

Помедлив, она подошла к небольшому столику, где на серебряном подносе стояли бутылки и стаканы. Взяв бутылку виски, продолжила:

– Вот, порадуите Йена. Он так нам помог, взяв на себя всю дополнительную работу. Бог знает, как бы мы без него справились.

Флора шёпотом поблагодарила леди Хелен, которая затем тихо провела их обратно на кухню и мягко закрыла за ними дверь. Они услышали, как она поднялась вверх, услышали грубый, резкий голос сэра Чарльза и её мягкие, успокаивавшие ответы.

Алек отрезал большой кусок фруктового пирога и положил в плетёную корзину, взял кусок угля из ведра рядом с плитой, завернул в газету и положил рядом. Флора поставила рядом с пирогом бутылку виски и кивнула, когда Алек молча указал на дверь.

Они вышли на улицу, и пар их дыхания белыми облаками повис в холодном ночном воздухе. Сев в машину, Алек отпустил ручной тормоз и поехал под сенью тёмных сосен, запустив двигатель, лишь когда они почти добрались до дороги.

Выехав из-под деревьев и повернув на север, оба ахнули от удивления. Темнота ночного неба была словно задрапирована световыми занавесками, которые вздымались и вздымались над далёким горизонтом. Алек подъехал к обочине дороги.

– Прямо на праздник!

Глаза Флоры заблестели, когда небо сменило свет с зелёного на серебристый и обратно. Даже затемнение не властно над северным сиянием.

Глядя на северный горизонт, она взяла Алека за руку, и он крепко сжал её пальцы. Они молча стояли, глядя на небо. Неземное сияние окутывало пейзаж, превращая знакомые холмы в таинственный потусторонний мир, окружавший воды озера, в глубинах которого танцевали полосы света. Наконец они начали тускнеть, становясь все бледнее, а потом небо вновь почернело, и последние отблески сияния погрузились в темнеющую воду. Алек посмотрел на Флору, наблюдавшую, как гаснут зеленоватые всполохи.

– Ты пойдёшь со мной гулять? Когда у нас обоих снова будет выходной? Можем пройти к заливу Файрмор или Слагган, если захочешь. Помнишь, мы гуляли там с твоим папой несколько лет назад?

Она кивнула.

– Кажется, это был август перед тем, как ты впервые отправился в новую школу. Руарид упал в ручей и весь промок. Мы разложили его вещи на камне, чтобы они просохли. А потом всё равно пошли купаться. День был тёплый, так что ничего страшного не случилось.

– Ну, в это время года плавать мы не станем, это я тебе гарантирую. Но можем устроить пикник, если хорошо завернём еду, – пообещал он, затем немного помолчал, что-то обдумывая, и спросил: – Ты всё ещё хранишь фарфоровую лошадку?

– Конечно, – ответила Флора. – Она стоит на каминной полке.

Больше никаких слов не требовалось. Столько лет спустя она помнила до мельчайших подробностей день, когда пошла собирать сосновые шишки, чтобы развести в лесу костёр. Она услышала шум, сдавленный всхлип, доносившийся из конюшни, и, заглянув туда, увидела, что Алек сидит в стойле пони, прислонившись спиной к грубым доскам и закрыв лицо руками. На следующий день он должен был отправиться в новую школу на юге – местная средняя уже не годилась для сына хозяина особняка.

Она подошла ближе. Белый пони просунул свою широкую морду в дверь, словно пытаясь успокоить рыдающего мальчика. Флора молча села рядом с Алеком, положила руку ему на плечо. Он поднял голову, тыльной стороной ладони провёл по грязному лицу, чтобы стереть слёзы, смущённый и сердитый оттого, что его заметили.

– Всё уже не будет как раньше, да? – прошептал он, и в его голосе звучала боль. – Всё изменится.

– Может быть, что-то изменится. Но это навсегда останется здесь, – сказала она, указывая на вид за дверью конюшни. – Озеро и холмы. И мы всегда будем здесь. И Руарид, и пони, и я. Он кивнул, тяжело сглотнул и расправил плечи.

– Пожалуйста, не говори никому, что видела меня.

Она ничего не ответила, просто взяла его руку и крепко сжала.

Он встал, стряхнул солому с куртки и печально улыбнулся.

– Увидимся на Рождество?

Она кивнула.

– Время быстро пролетит, вот увидишь.

Когда Алек вернулся на каникулы, произошедшие с ним перемены действительно были заметны. Он стал увереннее, весело болтал о своих новых школьных друзьях, испытаниях и невзгодах, связанных с латынью и французским, желании попасть в команду регби. Никто из них никогда не упоминал о встрече в конюшне. Но в то рождественское утро, когда Флора пошла за ветками для костра, она обнаружила на пороге небольшую грудку не слишком аккуратно завернутых подарков. Там был деревянный рыболовный крючок, над которым Алек потел на уроках столярного мастерства – для Йена, и симпатичный перочинный нож с роговой ручкой – для Руарида. А для Флоры – маленькая белая фарфоровая лошадка с длинной гривой, которой она с тех пор дорожила.

Алек поднес её руку к губам и нежно поцеловал, прежде чем притянуть Флору к себе и поцеловать ещё нежнее. Потом со вздохом, полным радости и сожаления, завел машину.

– Лучше отвезу тебя домой, пока Йен не начал искать тебя с дробовиком. Не хотел бы я попасть под его прицел.

Она тихонько рассмеялась.

– Думаю, что ты, наверное, единственный человек, в которого он не стал бы стрелять.

Он тебе доверяет.

– А ты, Флора? Ты мне тоже доверяешь?

Она заглянула в чернильно-чёрные глубины его глаз. И ответила:

– Конечно, Алек. Я всегда тебе доверяла.

Лекси, 1978

По пути в магазин я захожу к Бриди. Кажется, она удивлена, увидев меня у двери. Я надеюсь, что она пригласит нас к себе, как обычно, растаяв при виде Дейзи, и за чашкой чая расскажет мне свои воспоминания о годах войны и главное – о маме и папе. Но моё подозрение, что этого душевного разговора она все-таки избегает, становится ещё сильнее, когда она нас не приглашает, а вместо этого снимает своё пальто с крючка у двери и говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.